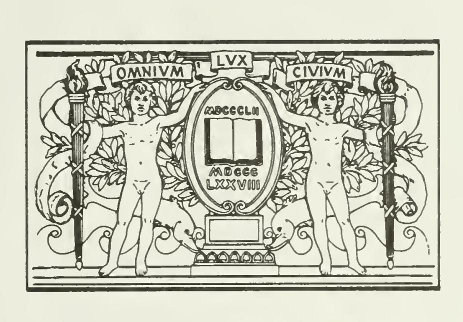

OMNIVM
LVX
CIVIVM
MDCCCLII
MDCCC
LXXVIII

СОРОКЪ ЛѢТЪ

(МАЛОРОССІЙСКАЯ ЛЕГЕНДА).

СОРОКЪ ЛѢТЪ

(МАЛОРОССІЙСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Н. Костомарова.

ИЗДАНІЕ

Редакціи „Газеты А. Гатцука“.

МОСКВА 1881.

Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

Дозволено Цензурой. С.-Петербургъ, 11 іюня 1880 г.

СОРОКЪ ЛѢТЪ

(НАРОДНАЯ МАЛОРОССІЙСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дѣти ихъ съ ними предъ лицемъ ихъ и внуки ихъ предъ глазами ихъ. Домы ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ... Проводятъ дни свои въ счастіи и мгновенно нисходятъ въ преисподнюю. А между тѣмъ они говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ! Что Вседержитель, чтобы намъ служить Ему? И что пользы прибѣгать къ Нему?... Но Бога ли учить мудрости, когда Онъ судитъ и горнихъ!

(Кн. Іова, гл. XXI, стихи: 7—9, 13—14, 22).

Въ краѣ, гдѣ великорусская и малорусская народности сходятся между собою рубежами, есть слобода, называемая Мандрики. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія она принадлежала отставному гвардіи поручику Мотылину, проживавшему тамъ безвыѣздно съ женою.

Крестьяне въ тѣхъ краяхъ не были тогда слишкомъ обременены. Требованія степныхъ помѣщиковъ были умѣренны и не представляли владѣльцамъ необходимости выжимать сокъ изъ подданныхъ, а лѣнь, одолѣвавшая провинціаловъ, не дозволяла имъ вымышлять новыхъ средствъ къ житейскимъ удобствамъ. Мотылины были изъ неприхотливыхъ и некорыстолюбивыхъ владѣльцевъ. Барщины у нихъ не было вовсе,

кромѣ двухъ недѣль сѣнокоса. Земля раздавалась крестьянамъ съ оброка и, хотя размѣръ оброка для каждаго крестьянина зависѣлъ отъ воли господина, но Мотылинъ не накладывалъ на крестьянъ своихъ большихъ оброковъ, и потому крестьяне въ слободѣ Мандрикахъ жили довольно зажиточно.

Однимъ изъ зажиточнѣйшихъ обитателей слободы Мандрики былъ Денисъ Савельичъ Шпакъ. Дворъ у него былъ просторенъ. Ко двору прилегалъ плодовитый садъ, а за садомъ былъ огородъ и гумно. Во дворѣ Шпака было двѣ хаты. Одна, передняя, носила названіе свѣтлицы и была внутри помощена досчатымъ поломъ; къ ней примыкалъ другой покой, меньше свѣтлицы, называемый комнатою. Рядъ иконъ подъ потолкомъ, увѣшанныхъ барвинкомъ и васильками, передъ иконами— двѣ лампадки и полдюжины маленькихъ подсвѣчниковъ для восковыхъ свѣчекъ, нѣсколько раскрашенныхъ гравюръ, прибитыхъ гвоздиками къ стѣнамъ, четыре немалыхъ окна съ растворчатыми рамами, зеленая муравленая печь и пестрый коверъ, застилавшій липовый столъ, — все это придавало свѣтлицѣ веселый видъ, а нѣсколько книгъ въ массивныхъ переплетахъ, лежавшихъ на лавкѣ въ углу подъ образами, обличали въ хозяинѣ грамотнаго человѣка. Ребромъ къ свѣтлицѣ стояла во дворѣ другая хата, носившая названіе черной, но она была цвѣта бѣлаго, такъ же, какъ свѣтлица, будучи и снаружи, и внутри обмазана растворомъ мѣла съ молокомъ: то была рабочая изба съ большою печью у входныхъ дверей и съ пристроенными къ ней чуланчиками для храненія домашней рухляди. Кромѣ этихъ двухъ избъ, во дворѣ Шпака были амбаръ, конюшня и плетеный сарай для скота и повитка (навѣсъ), подъ которою стояли плугъ, телѣги и сани. Шпакъ былъ настолько зажиточенъ, что могъ держать наймита и

наймичку, и это было для него тѣмъ удобнѣе, что вся семья его, кромѣ его самого, состояла изъ одной дочери, которую онъ очень любилъ и баловалъ.

Въ прежніе годы Шпакъ чумаковалъ и этимъ промысломъ успѣлъ себѣ зашибить копѣйку. Когда онъ начиналъ старѣться, перестал ходить въ дорогу и въ это время попалъ въ милость къ своему барину. Мотылинъ держалъ съ нимъ совѣты по хозяйственнымъ дѣламъ и давалъ ему кой-какія порученія. Шпакъ былъ отъ природы уменъ и понялъ, что въ такихъ случаяхъ, когда дѣло шло о господскомъ интересѣ, выгодно быть честнымъ. Шпакъ очень понравился Мотылину. Желая сдѣлать ему благодѣяніе, баринъ далъ ему взаймы денегъ. Шпакъ накупилъ хлѣбнаго зерна. Черезъ два года послѣ того сдѣлался неурожай, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ, и Шпакъ продалъ свое зерно въ шесть разъ дороже той цѣны, по какой самъ покупалъ. Шпакъ обогатился пуще другихъ односельцевъ и сталъ возбуждать къ себѣ зависть. Его вообще не долюбливали въ слободѣ: былъ онъ мужикъ суровый, постоянно ходилъ съ потупленною головою, на всѣхъ глядѣлъ какъ будто изъ подлобья, ни съ кѣмъ не веселился, не ходилъ въ шинокъ, не посѣщалъ пирушекъ и самъ ихъ у себя не заводилъ, не пѣлъ пѣсенъ, не балагурилъ, хоть не прочь былъ при случаѣ отпустить на другихъ колкость, особенно, когда ему приходилось щегольнуть своимъ превосходствомъ грамотнаго человѣка, а въ слободѣ Мандрикахъ, кромѣ церковниковъ, изъ крестьянъ было только двое грамотныхъ. Скупцомъ Шпакъ не былъ, но никто не называлъ его и щедрымъ; не былъ онъ злымъ, но никто не находилъ, чтобъ онъ былъ добросердеченъ. «Себѣ на умѣ, крутой мужикъ!» говорили про него всѣ, кто только зналъ его. Послѣ своей

наживы, Шпакъ сталъ побаиваться, чтобъ его не обокрали и, отдавая своему помѣщику занятыя на торговлю деньги, просилъ взять на сохраненіе свои семь тысячъ ассигнаціями. Мотылинъ, принявши отъ Шпака эту сумму, далъ ему собственноручную росписку и тогда же, сообразно желанію Шпака, написалъ въ оставляемомъ сыну, на случай своей кончины, завѣщаніи, чтобъ тотъ отпустилъ на волю дочь Шпака вмѣстѣ съ ея будущимъ мужемъ, если этотъ мужъ будетъ изъ крѣпостныхъ слободы Мандрикъ. О себѣ не просилъ Шпакъ.

Не много времени прошло послѣ того; сперва умерла госпожа Мотылина, а за нею, мѣсяцевъ черезъ пять, послѣдовалъ и Мотылинъ.

Единственный сынъ и наслѣдникъ Мотылиныхъ учился въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, не показывая ни способностей, ни охоты къ ученью. Молодой Мотылинъ чувствовалъ и зналъ, что онъ столбовой дворянинъ и наслѣдникъ шести сотъ ревизскихъ душъ и 12864 десятинъ земли, въ количествѣ которой числилось до двухъ тысячъ десятинъ лѣса. Въ тѣ времена въ дворянскомъ сословіи господствовало такое убѣжденіе, что столбовому дворянину да еще богатому учиться незачѣмъ, и съ такимъ убѣжденіемъ молодой Мотылинъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ родителя, пріѣхалъ въ Мандрики. Онъ объявилъ назначенному надъ нимъ опекуну, что учиться не хочетъ, а желаетъ служить. Молодецъ вступилъ въ гусары. Черезъ три года послѣ того онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета, по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Прибывши въ Мандрики весною 1820 года и поживши мѣсяца три въ родительскомъ гнѣздѣ, молодой баринъ задумалъ жениться на дочери сосѣда, человѣка богатаго,

занимавшагося откупами и лѣтомъ проживавшаго въ своемъ имѣніи въ слободѣ Лубкахъ, въ трехъ верстахъ отъ Мандрикъ.

Событіе, составляющее начало нашего повѣствованія, происходило именно въ ту пору, когда молодой Мотылинъ вознамѣрился жениться.

Выше было сказано, что у Шпака была единственная дочь. Звали ее Вассою. Ей былъ уже восемнадцатый годъ. Это была дѣвица рослая, бѣлокурая, немного курносенькая, что составляетъ признакъ красоты у малоруссовъ. Одѣвалась она пестро и, по сельскому обиходу, богато: зеленый корсетъ съ красными кисточками нашитыми по всему корсету, желтая запаска, клѣтчатая плахта, красные сапожки, на головѣ двухцвѣтный шолковый платокъ въ видѣ повязки, изъ подъ котораго спадало на спину нѣсколько косъ со вплетенными въ нихъ лентами разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ нитки коралловъ, на груди серебряные крестики и сердечки, въ ушахъ коралловыя серьги, а пальцы у ней на рукахъ были словно окованы золотыми перстнями и кольцами. Въ ея походкѣ, въ каждомъ поворотѣ ея тѣла, виднѣлось сознаніе достоинства дочки богатаго крестьянина. Васса никогда не ходила на сборища сельской молодежи, ни даже съ дѣвушками въ хороводы, ни въ дружкахъ на сватьбы; и это не потому, чтобъ отецъ ее не пускалъ: сама она ничего подобнаго не любила, а съ молодыми ребятами не только не вела бесѣдъ, но какъ только какой-нибудь вздумаетъ подъѣзжать къ ней съ двусмысленными выходками, Васса, не говоря ему ни слова, повернется спиною и уйдетъ, а молодецъ останется въ дуракахъ. Во всей слободѣ находили ее неприступною, гордою, называли

даже недоброю, и никто не зналъ, что въ сердцѣ этой чванной дочки богатаго мужика уже зародилось чувство любви.

Былъ у Шпака наймитъ, по имени Трофимъ, по прозвищу Яшникъ, круглый сирота. Родителей потерялъ онъ такъ рано, что и не помнилъ ихъ. Вскормила его тетка солдатка, женщина очень бѣдная. Нерадостно прошло дѣтство Трохима. Тетка была баба ворчливая, вѣчно хныкавшая о своемъ горѣ. Да и было отъ чего. Земли за нею не было. Во дворѣ съ обваленнымъ плетнемъ стояла хата, близь которой находился погребъ: въ этомъ погребѣ ничего не сберегалось, потому что сберегать было нечего. За дворомъ былъ небольшой огородъ, гдѣ садились только лукъ, картофель, да подсолнечники, безъ которыхъ обойтись не можетъ ни одна малороссіянка, ни богатая, ни бѣдная. Хлѣба солдаткѣ не за что было купить, приходилось его выпрашивать, и ходила она со двора на дворъ, произнося имя Христово: въ одномъ дворѣ дадутъ ей хлѣбный недоѣдокъ, въ другомъ щепотку соли. Если же кто, разщедрившись, дастъ ей кусокъ сала, тогда у солдатки—праздникъ: топилась печь, варились галушки. Трохимъ по слѣдамъ тетки ходилъ также за подаяніемъ съ грязнымъ мѣшкомъ за плечами. Хлѣбъ и вода составляли его обычную пищу. Вкуса въ молокѣ онъ не зналъ, а яица и мясо отвѣдывалъ развѣ только на пасху, когда въ видѣ Христовой милостыни, дадутъ ему гдѣ-нибудь красное яичко или кусокъ освященной поросятины. Въ тринадцать лѣтъ отъ роду приставила Трохима громада пасти свиней, и за это занятіе онъ получалъ три рубля въ годъ да, кромѣ того, два раза въ годъ, весною и осенью, обходилъ дворы хозяевъ тѣхъ свиней, что пасъ, и получалъ подачки. Носилъ онъ рубаху съ заплатами, а сверху надѣвалъ сѣрую ветхую свиту, впрочемъ какой-то мужикъ

сжалился надъ Трохимомъ и осенью подарилъ ему изношенный тулупчикъ своего сына, Трохимова однолѣтка. Спалъ Трохимъ гдѣ попало, въ полѣ съ своими свиньями, а у тетки въ хатѣ ложился на голой землѣ, подостлавши тулупъ и свитку подъ головы: постели онъ не зналъ, какъ и тетка не знала. Лѣтъ пять исполнялъ Трохимъ такимъ образомъ должность свинопаса, а тѣмъ временемъ выросталъ и становился красавцемъ: его каріе глаза и черныя брови заставляли засматриваться на него слободскихъ дѣвушекъ. Только большая худоба лица тотчасъ показывала, что дѣтство его протекало непривѣтливо.

Увидалъ его однажды Шпакъ, когда молодецъ гналъ съ поля свиней, и подумалъ про себя богатый мужикъ: «какой славный хлопецъ! Ему бы дать другое дѣло, а пасти свиней могъ бы кто иной, похуже его»! Шпакъ взялъ Трохима къ себѣ въ наймиты.

Нельзя сказать, чтобы у Шпака положеніе наймита было Богъ знаетъ какое хорошее. Крутой мужикъ хозяинъ часто ворчалъ на него и упрекалъ то въ лѣни, то въ непослушаніи, хотя Трохимъ былъ не лѣнивъ и послушенъ. Да и самъ Шпакъ былъ имъ внутренно доволенъ, только такъ уже считалъ нужнымъ держать наймита въ строгости, чтобъ тотъ не зазнавался, и ни на минуту не забывалъ разницы между собой и своимъ хозяиномъ. Но Шпакъ Трохима кормилъ и одѣвалъ, и то ему послѣ того житья, какое переносилъ Трохимъ у своей тетки, житье у Шпака показалось ему очень сноснымъ.

Дочь Шпака не такъ отнеслась къ бѣдному наймиту, какъ ея родитель. Статность и красота наймита защемили ей сердце. Трохимъ отъ природы былъ сметливъ и уменъ и менѣе чѣмъ всякій другой способенъ былъ на смѣлую выходку къ

дочери своего хозяина. Дѣвушка предупредила его и сама первая сказала ему, что полюбила его. Трохимъ предался ей всею душою. Они видались по ночамъ въ саду и любезничали. Васса надѣялась, что отецъ, любя ее безъ ума, согласится отдать ее за Трохима, если только хорошенько упросить-умолить старика. Долго стыдилась Васса и не рѣшалась заговорить съ отцомъ о своей любви. Наконецъ, пришелъ къ Шпаку одинъ разъ сосѣдъ односелецъ, и, послѣ ухода гостя, Шпакъ говорилъ дочери:

— Приходилъ ко мнѣ Павло Дрижакъ и молвилъ: «какъ бы намъ спаровать своихъ дѣтей. У тебя—говоритъ—дочь, а у меня сынъ». А я ему въ отвѣтъ: жить съ моей дочерью не тебѣ, а твоему сыну, и съ твоимъ сыномъ жить не мнѣ, а моей дочери. Спрошу у дочери, какъ она скажетъ, такъ пусть и будетъ. Коли скажетъ, что пойдетъ за твоего сына, такъ присылай сватовъ, а скажетъ, что сынъ твой ей не по сердцу, тогда не взыщи.

— Я не пойду за Дрижиченка. Я не люблю его,—отрывисто и рѣшительно произнесла Васса.

— Не любишь,—сказалъ Шпакъ—такъ и разговора больше не будетъ объ этомъ. Я такъ и скажу Дрижаку. Я своей дочери силовать не буду, да и мѣшать ей не стану. За кого она захочетъ выходить, за того пусть и выходитъ.

— Такъ вы, тату, не станете мѣшать вашей дочери выходить замужъ за того, за кого она сама захочетъ?—сказала Васса.

— Боже сохрани! Большой это грѣхъ!—произнесъ Шпакъ.

— А если — сказала Васса. — я захочу идти за нищаго. безроднаго?

— Хмъ! Какъ это можетъ статься, чтобъ ты пошла за нищаго, безроднаго! Какъ таки нищій и безродный посмѣетъ

приступить къ тебѣ? Знаю тебя я, дочка! Не то что нищій и безродный—и любой отецкій сынъ въ нашей слободѣ безъ опаски не подойдетъ къ тебѣ. Ты вся въ своего батька.— Такъ говорилъ Шпакъ.

— Тату! робко произнесла Васса:—я полюбила всею душою нашего наймита Трохима и ни за кого не хочу выходить, только за него.

— Дочко!—сказалъ Шпакъ:—что ты шалишь, что батька дразнишь?—Не повторяй этого больше. А то: чего добраго! Подслушаетъ твои рѣчи наймитъ и заберетъ себѣ въ голову не знать что!

— Нѣтъ, тату, я не дразню батька, я говорю правду. Люблю Трохима: отдай меня за него; ни за кого другаго идти не хочу,—сказала рѣшительно дѣвушка.

Шпакъ, сидѣвшій до того времени на лавкѣ съ палкою въ рукѣ, вскочилъ, сталъ ходить по свѣтлицѣ, потомъ остановился и судорожно ударилъ палкою о помостъ.

Васса стояла у печки, молча, ожидая своей судьбы. У отца сверкнули глаза гнѣвомъ. Онъ, какъ будто, готовился что-то произнести, но удержался. Постоявши не много времени на одномъ мѣстѣ, онъ опять прошелся по свѣтлицѣ, потомъ сѣлъ на скамью и сталъ водить концемъ палки по помосту. Васса все молчала, глядя на отца. Наконецъ, Шпакъ, силясь казаться спокойнымъ, сказалъ:

— Что сказано, такъ тому и быть. Я сказалъ: за кого сама захочешь, за того и выходи. И опять скажу: силовать тебя, дочка, я не стану. Только теперь я тебя за Трохима не отдамъ, а отдамъ, коли Богъ дастъ, послѣ. Пусть твой Трохимъ наживетъ себѣ жупанъ изъ синяго панскаго сукна, да пріѣдетъ ко мнѣ со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею собственною лошадью. Тогда я отдамъ тебя за него.

А до той поры пусть не порывается: сегодня же сгоню его со двора. Пусть сюда своего носа не суетъ!

— Это загадка!—сказала Васса:—куда какіе вы, тату, добрые на словахъ, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и вы, я вижу, такіе же, какъ и другіе батьки, а можетъ быть и злѣе!

— Не тебѣ наставлять меня,—сказалъ Шпакъ разсерженнымъ голосомъ: — яйца курицу не учатъ. Ты моя, за кого захочу, за того иди, а противъ моей воли ты не смѣешь!

— Такъ что же, что я ваша, — сказала Васса съ горячностію.—Развѣ, коли я ваша, такъ вы меня съѣсть можете? Ай, тату, тату! Я противъ воли вашей не пойду, да и какъ идти: попы вѣнчать не станутъ безъ вашего согласія. Только я вамъ, тату, говорю: не пойду ни за кого, только за одного Трохима. А когда вы за него меня не отдадите, то своей дочери свѣтъ завяжете.

— Иди прочь! Не дразни меня! сказалъ Шпакъ:—отдамъ тебя за Трохима тогда, какъ Трохимъ пріѣдетъ ко мнѣ въ синемъ жупанѣ, на своемъ возѣ, своею лошадью. Я жъ тебѣ сказалъ. Чего-жъ тебѣ еще? Слово мое непремѣнно. Любишь отца и почитаешь — жди, а не любишь и не почитаешь— иди себѣ куда хочешь съ своимъ Трохимомъ. Живите себѣ у его тетки, нищей солдатки вдовы Орины.

Говоря это, Шпакъ стучалъ палкою о помостъ.

Васса завопила и вышла изъ свѣтлицы. Ея рыданія раздавались въ сѣняхъ. Минуты черезъ три за нею вслѣдъ вышелъ и отецъ. Онъ прошелъ мимо нея, умышленно показывая видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ и не обращаетъ на нихъ вниманія. Шпакъ пошелъ по двору и встрѣтилъ Трохима, который несъ въ рабочую хату наколотыя щепки.

— Трохимъ! сказалъ хозяинъ: — приходи сейчасъ ко мнѣ

въ свѣтлицу. И съ этими словами Шпакъ повернулъ назадъ въ свѣтлицу и опять прошелъ мимо плакавшей Вассы, все-таки показывая видъ, что не замѣчаетъ ее.

Сдѣлавши свое дѣло со щепками, наймитъ, по зову хозяина шелъ въ свѣтлицу, но встрѣтивши въ сѣняхъ Вассу, сталъ распрашивать, о чемъ она плачетъ, какъ вдругъ изъ дверей свѣтлицы высунулъ голову Шпакъ и сурово произнесъ:

— Трохимъ, иди сюда!

Вошелъ Трохимъ въ свѣтлицу. Шпакъ сказалъ сухо и отрывисто:

— Ты мнѣ неугоденъ. Вотъ тебѣ твое жалованье за два года съ мѣсяцемъ. Возьми и ступай со двора.

— Куда мнѣ идти? —началъ было Трохимъ: — у меня ни рода, ни племени!...

— А я что же, безродныхъ, безплеменныхъ содержать долженъ?—сказалъ Шпакъ:—въ царскую службу ступай, коли у тебя нѣтъ ни роду, ни племени. Тамъ такихъ и нужно.

— Я не хочу въ солдаты,—произнесъ Трохимъ.

— Такъ займись ремесломъ какимъ-нибудь, либо торговать начни. Расторгуешься, разживешься, купишь себѣ лошадь, справишь себѣ синій жупанъ изъ панскаго сукна: тогда, нарядившись пристойно, ко мнѣ пріѣдешь. Тогда иной почетъ будетъ тебѣ, тогда и за будущаго зятя приму. А то рано задумалъ. У тебя, вижу, губа то не дура.

Такъ говорилъ ему Шпакъ.

— Какъ я начну торговать?—замѣтилъ Трохимъ:—кто дастъ мнѣ денегъ на торговлю?

— Не знаю, сказалъ Шпакъ:—это не мое дѣло, а твое.

Пытался Трохимъ еще заводить рѣчь съ хозяиномъ, но тотъ перебилъ его и сказалъ:

— Ступай себѣ, разговаривать нечего; когда пріѣдешь въ синемъ жупанѣ, на собственной лошади, тогда поговоримъ. Теперь что мнѣ съ тобой, сермяжникомъ, толковать. Иди отсюда.

Трохимъ вышелъ. Васса, стоявшая за дверью въ сѣняхъ, все слышала. Она бросилась къ Трохиму на шею, но грозный отецъ выглянулъ изъ за дверей и сурово крикнулъ:

— Васса, иди сюда. Скорѣе иди. Слушайся отца!

Повиновалась Васса, вошла въ свѣтлицу и порывисто промолвила:

— За что вы насъ мучите?

— Кого это насъ?—злобно усмѣхаясь, сказалъ Шпакъ: — тебя да еще кого?

— Моего жениха!—твердо произнесла дочь.

— А кто, спрашивалъ отецъ: — кто васъ пожаловалъ въ женихи съ невѣстою? Женихомъ съ невѣстою называется такая пара, что ее родители благословили. А васъ какіе родители благословляли? Говорилъ я тебѣ, и Трохиму тоже говорилъ: когда онъ разживется, разбогатѣетъ, справитъ себѣ синій жупанъ, лошадь себѣ купитъ и пріѣдетъ ко мнѣ со сватами—вотъ тогда вы будете женихъ съ невѣстою.

Завернулъ Трохимъ въ узелъ свои двѣ пары рубашекъ да сѣрякъ, подарокъ Шпака, и отправился къ нищей теткѣ. Узнавши, что сталось съ племянникомъ, солдатка разразилась проклятіями Шпаку и его дочери, потомъ начала корить и бранить племянника за то, что не ужился во дворѣ богатаго хозяина, а напослѣдокъ принялась за свои обычныя жалобы на нищету и безпомощность.

Наслушавшись теткинаго ворчанья, Трохимъ вышелъ изъ

хаты, не зная, что съ собой дѣлать и куда идти. Сталъ онъ бродить подъ заборомъ барскаго двора, около двухъ кузницъ, построенныхъ на обрывистомъ берегу рѣчнаго плеса, поросшаго тростникомъ. Солнце отражалось въ водѣ и въ окнахъ барскаго дома, чванно глядѣвшаго сквозь зелень липъ, посаженныхъ во дворѣ вдоль заборной стѣны. Стало Трохиму какъ-то и больно и досадно. — «Вотъ какъ свѣтъ стоитъ— размышлялъ онъ:—однимъ роскошь, другимъ нищета и горе».— Озлобился Трохимъ на все, что было богаче и сильнѣе его. И мгновенно сверкнула въ головѣ у него мысль: «зачѣмъ мнѣ жить на этомъ свѣтѣ? Счастья-доли нѣтъ мнѣ и, видно, не будетъ. Я молодъ. Много лѣтъ придется горевать. Лучше теперь порѣшить съ собой, чѣмъ долго терпѣть». И поддался Трохимъ такой роковой думѣ и бросился къ плесу съ намѣреніемъ утопиться. Вдругъ его ухватилъ кто-то сзади за плечо. Оглянулся Трохимъ-- передъ нимъ былъ невысокій, кругленькій человѣчекъ, одѣтый въ свѣтло-сѣрую бекешу, подпоясанную ременнымъ поясомъ съ серебряною пряжкою. На головѣ у него былъ черный бархатный картузъ.

— Куда ты лѣзешь? дурень!—сказалъ человѣчекъ.

Трохимъ опамятовался, ничего не отвѣтилъ и торопливыми шагами повернулъ отъ воды. Незнакомецъ зашелъ ему впередъ и, глянувши въ лицо Трохиму, сказалъ:

— Пойдемъ въ шинокъ. Выпьешь—полегчаетъ!

Онъ дернулъ Трохима за рукавъ и почти насильно потянулъ въ шинокъ.

— Ты, можетъ быть,—говорилъ онъ Трохиму дорогою:— слыхалъ, про меня что-нибудь недоброе? Не вѣрь ничему. Я человѣкъ хорошій, всѣмъ радѣтельный.

Вошли въ шинокъ, который содержалъ великороссіянинъ.

Жидовъ въ этомъ краѣ не держали. Угостилъ незнакомецъ Трохима, потомъ пригласилъ его выйти и повелъ къ барскимъ кузницамъ.

— Ну-ка,—произнесъ онъ:—что у тебя за горе, что ты себя хотѣлъ живота лишить? разскажи!

Трохимъ разсказалъ ему про все.

— Только-то!—сказалъ незнакомецъ. — Не знаю я этого Шпака, но слыхалъ: про него говорятъ — крутъ мужикъ! Но ужъ коли сказалъ, что отдастъ за тебя дочь, такъ отдастъ. Не посмѣетъ не отдать, когда пріѣдешь къ нему такъ, какъ самъ онъ велѣлъ: на своей лошади, въ синемъ жупанѣ изъ панскаго сукна!

— А гдѣ мнѣ взять жупанъ и лошадь? говорилъ Трохимъ. Я не то что человѣкъ бѣдный, совсѣмъ какъ есть нищій, безъ роду, безъ племени. Тетка есть, и та нищая: Христовымъ именемъ кормится. Старикъ Шпакъ сказалъ нарочно на смѣхъ: ему поругаться бы надъ моею бѣдностью, зналъ онъ, что не достать мнѣ лошади и жупана: отъ того такъ и сказалъ.

— Ты жалуешься, сказалъ незнакомецъ:—что у тебя ни роду, ни племени. А я тебѣ скажу: были бы деньги, а при деньгахъ будутъ и родъ, и племя. При доброй годинѣ у человѣка браты и побратимы!

— А при лихой нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ!—сказалъ Трохимъ:—а я, кромѣ лихой, никакой другой не зналъ.

— Бываетъ, сказалъ неизвѣстный:—при лихой годинѣ явится другъ благодѣтель, что добру научитъ и къ счастью приведетъ. И съ тобой такъ сталось. Я твой другъ-благодѣтель!

Этотъ странный человѣкъ проживалъ въ барскомъ дворѣ, куда назадъ тому съ годъ поступилъ главнымъ садовникомъ.

Онъ помѣщался въ саду въ одной половинѣ длинной садовничьей избы, въ другой помѣщались его помощники изъ крѣпостныхъ Мотылина, и они то собственно были настоящими садовниками. Этотъ же, главный, получалъ отъ господъ порученія иногда вовсе не относящіяся къ садоводству. Съ первыхъ дней своего водворенія во дворѣ, онъ поддѣлался къ опекуну, управлявшему имѣніемъ, а, по возвращеніи изъ военной службы молодаго Мотылина, сошелся съ послѣднимъ еще тѣснѣе, чѣмъ съ опекуномъ. Дворня, замѣчая, что онъ въ милости у господъ, уважала его и побаивалась; но въ слободѣ смотрѣли на него съискоса. Лице его было не показисто, все покрыто веснушками. Зеленоватые глаза бѣгали изъ стороны въ сторону. Кругловидный обликъ лица съ торчащими усами придавалъ его физіономіи что-то кошачье. Въ слободѣ звали его Придыбалкою, выражая этою кличкою, что онъ неизвѣстно откуда приплелся (придибавъ), а во дворѣ величали его Ѳетисомъ Борисовичемъ. Считали его иностранцемъ, хотя никто не могъ сказать, какой онъ націи. Прозвище его было какое-то мудреное, такъ что никто этого прозвища не помнилъ. Въ церкви его никто никогда не видалъ, но въ шинокъ онъ хаживалъ, хотя самъ тамъ не пилъ, только другихъ угощалъ. Батюшка села Мандрикъ невзлюбилъ его черезъ-чуръ и говорилъ, что этотъ Придыбалка—самъ лукавый въ человѣческомъ образѣ. Съ голоса батюшки и другіе то же про него говорили, старые, благочестивые люди.

— Пріѣхалъ, — говорилъ Придыбалка Трохиму — въ нашъ барскій дворъ кацапъ съ товаромъ. Есть у него всякое сукно на жупанъ, и денегъ найдется еще въ придачу на покупку тебѣ лошади и воза. Пробудетъ онъ у насъ только до вечера, а къ ночи выѣдетъ вдвоемъ съ своимъ батракомъ и поѣдетъ

по дорогѣ, что пошла черезъ слободу Лубки. За Лубками есть лѣсъ, а въ лѣсу оврагъ очень глубокій, весь поросъ кустарникомъ. Дорога идетъ по самому краю оврага. Ступай туда и засядь возлѣ оврага за деревьями. Какъ поѣдетъ по дорогѣ мимо оврага ихъ повозка, ты выскочи и ударь дубиною въ голову купца, потомъ батрака, только поскорѣе, чтобы, когда станешь бить одного, другой не успѣлъ повернуться. Заберешь себѣ изъ повозки, что тебѣ нужно, а повозку съ побитыми людьми и съ ихъ лошадьми перевернешь въ оврагъ. Наѣдетъ земскій судъ. Увидятъ, что лошади не уведены и товаръ остался при мертвыхъ. Судящіе не знаютъ, сколько у нихъ товара было и сколько ты взялъ себѣ: присудятъ такъ, что купцы, ѣдучи ночью, наѣхали на оврагъ, опрокинулись и убились до смерти.

— Какъ же я людямъ-то буду говорить, гдѣ досталъ жупанъ? Всѣ знаютъ, что у меня нѣтъ ни гроша за душею,—возразилъ Трохимъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ совѣтомъ.

— Скажешь, что я тебѣ далъ взаймы денегъ, а ты за нихъ справилъ жупанъ,—отвѣчалъ Придыбалка.

— Да какъ же это?—говорилъ Трохимъ.—Побить людей! Неповинныя души загубить? Какъ это можно! За такое дѣло Богъ накажетъ. Я не хочу быть злодѣемъ.

— Такъ тебѣ не видать своей Шпакивны женою твоею, какъ не видать своихъ ушей,—говорилъ ему Придыбалка.—Коли хочешь быть праведникомъ, не думай ни о женитьбѣ, ни о синемъ жупанѣ, думай о царствѣ небесномъ, ступай въ монастырь, поступи въ тяжелую работу къ чернецамъ. А коли хочешь весело на свѣтѣ пожить, такъ не бойся грѣха: грѣши, только такъ, чтобъ люди про твой грѣхъ не узнали, да въ Сибирь тебя не услали!

— Богъ накажетъ пуще Сибири!—со вздохомъ произнесъ Трохимъ.

— А ты видалъ этого Бога?—засмѣявшись сказалъ Придыбалка.

— Не видалъ, да люди говорятъ;—отвѣчалъ Трохимъ: и батюшка говорилъ, что Богъ все знаетъ, ничто отъ Него не укроется и Онъ за всякое дурное дѣло накажетъ.

— Кабы всѣ боялись, что Богъ накажетъ, такъ всѣ бы думали, чтобъ имъ сдѣлаться старцами, что милостыни просятъ, а не бились бы, какъ рыба объ ледъ, чтобъ разбогатѣть. Ты, дурень, думаешь, всѣ это богатѣютъ,—это они отъ трудовъ праведныхъ, безъ грѣха богатѣютъ? Сами-то они такъ про себя говорятъ, только вѣрятъ имъ въ томъ одни дурни. А умные знаютъ, что коли кто разбогатѣлъ, такъ это значитъ, что другихъ по міру пустилъ, а то еще и хуже бываетъ: иные черезъ нихъ и животъ свой порѣшили. Хочешь себѣ счастья: первое дѣло—не бойся грѣха; дѣлай все, что тебѣ корысть приноситъ!

— Говорятъ,—сказалъ Трохимъ съ задумчивымъ видомъ—кровь христіанская рано ли, поздно ли, не пропадаетъ даромъ. Люди узнаютъ и въ Сибирь сошлютъ!

— Не узнаютъ!—говорилъ искуситель:—дѣлай только такъ, какъ я тебя научу. Главное никому про то ни гугу! Теткѣ своей ничего не скажи; невѣстѣ своей еще пуще того не подай никакого вида. Никто не узнаетъ. Я тебѣ ручаюсь. Смотри, вонъ, солнышко уже закатывается. Скорѣе отправляйся. Вотъ тебѣ суковатая дубина. Время. Скорѣе. До того мѣста, гдѣ оврагъ, верстъ пять добрыхъ будетъ. Купецъ уже собирается выѣзжать. Ихъ двое: сладишь. Смотри только: не шуми, не кричи, присядь за деревьями и тихо жди и сразу, молча,

бросься на нихъ. Лупи ихъ прямо по головамъ. На твое счастье купецъ можетъ быть заснетъ въ своей повозкѣ.

Трохимъ, увлекаемый какою-то непонятною для него силою, не нашелъ болѣе ничего возражать, не отважился и звать съ собою невѣдомаго искусителя въ товарищи, хотя внутренно былъ недоволенъ, зачѣмъ тотъ, давши ему такой совѣтъ, самъ не предложилъ помогать Трохиму. Принявши изъ рукъ Придыбалки суковатую палку, онъ пошелъ въ путь.

Дорога шла изъ Мандрикъ черезъ плотину на другой берегъ заросшей камышемъ рѣки и поднималась на гору, покрытую лѣсомъ. Взошедши на гору, Трохимъ шелъ версты двѣ мимо убранныхъ нивъ: былъ тогда августъ, ночь съ 12 числа на 13-е. Дошелъ Трохимъ до слободы Лубки, проминулъ помѣщичью усадьбу, прошелъ мимо деревянной церкви, обсаженной березами, и вступилъ въ лѣсъ. Страхъ началъ подступать ему къ сердцу. Затревожила его мысль о Божескомъ наказаніи, но онъ спѣшилъ прогнать отъ себя эту мысль пріятными образами синяго жупана, Вассы и стараго Шпака, который, увидя его въ такомъ видѣ, въ какомъ самъ велѣлъ ему явиться, отдастъ за него дочь, по данному обѣщанію. Извѣстно, что голосъ совѣсти у человѣка слабъ до совершенія преступленія: иначе бы ихъ такъ много не совершалось. Трохимъ ускорилъ шаги свои, вдаваясь въ лѣсную густоту. Наконецъ, дорога поворотила влѣво и подходила къ оврагу не далѣе, какъ шага на три. Здѣсь Трохимъ остановился и сѣлъ за деревьями ожидать свою добычу.

Недолго пришлось ему ждать. Черезъ какія нибудь четверть часа онъ послышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. Купецъ ѣхалъ по дорогѣ почти вслѣдъ за Трохимомъ. Какъ только повозка поровнялась съ оврагомъ, бросился Трохимъ

и сперва огрѣлъ дубиною по головѣ правившаго лошадьми батрака, потомъ спавшаго въ своей повозкѣ купца. Пробужденный ударомъ купецъ произнесъ крикъ, но Трохимъ повторилъ ударъ и купецъ не испустилъ болѣе никакого звука. Трохимъ вынулъ у мертваго изъ кармана бумажникъ, а потомъ сталъ выбрасывать товарные тюки, какъ вдругъ передъ нимъ нежданно явился Придыбалка. Удивленный Трохимъ хотѣлъ было разспрашивать его, какъ онъ здѣсь; но Придыбалка, взявши одинъ изъ тюковъ, сказалъ Трохиму: «вотъ это съ собой бери, а прочее все бросай! Земскій судъ наѣдетъ, пусть увидитъ, что съ мертвыми ихъ товаръ остался, и подозрѣнія въ разбоѣ ни на кого не будетъ!»

Опрокинули въ оврагъ повозку съ трупами побитыхъ людей, съ ихъ товаромъ и съ лошадьми.

— Оно такъ лучше будетъ!—говорилъ Придыбалка:—я еще въ барскомъ дворѣ подсмотрѣлъ, что у него въ этомъ тюкѣ есть. Тутъ все найдешь, что тебѣ теперь нужно. Двѣ штуки сукна, одна синяго: изъ этой будетъ тебѣ жупанъ; другая—чернаго: изъ той сдѣлаешь себѣ штаны и шапку; есть еще здѣсь и бархатъ на жилетъ и штука тонкаго холста на рубашки.

Трохимъ показалъ ему бумажникъ. Придыбалка сосчиталъ и нашелъ, что въ немъ было до осьми тысячъ рублей.

Оба воротились въ Мандрики. Придыбалка ушелъ въ барскій дворъ, а Трохимъ къ своей теткѣ, которая уже спала. Трохимъ, не тревожа ее, улегся въ сѣняхъ, осаждаемый попемѣнно то сладкими мечтаніями о могущемъ ему быть счастіи, то уколомъ нечистой совѣсти.

На другой день по совершеніи убійства, мужики слободы Лубки увидали опрокинутую въ оврагъ повозку съ мертвыми тѣлами людей и лошадей. Дано было знать земской полиціи. На мѣстѣ приключенія земская полиція произвела слѣдствіе и удостовѣрилась, что съ мертвыми остался ихъ товаръ. Въ карманѣ у купца нашли еще бумажникъ съ деньгами. Трохимъ не замѣтилъ этого бумажника, когда вынималъ другой, потому что онъ находился въ другомъ карманѣ кафтана на противуположномъ боку. Это обстоятельство болѣе всего утвердило земскую полицію въ томъ рѣшеніи, что найденные мертвыми погибли отъ собственной неосторожности. И врачъ, свидѣтельствовавшій ихъ трупъ, также заявилъ, что смерть постигла этихъ людей отъ сильнаго удара головами о древесные пни во время паденія въ оврагъ. Во избѣжаніе подобныхъ несчастныхъ случаевъ на будущее время, земская полиція обязала владѣльца дачи, приписанной къ слободѣ Лубкамъ, устроить около оврага со стороны дороги кирпичную загородь.

Обо всемъ этомъ узналъ Трохимъ отъ Придыбалки. По распоряженію послѣдняго, дворовый портной взялся шить Трохиму длиннополый сюртукъ, который тогда малоруссы называли жупаномъ, черные штаны, бархатный жилетъ и шапку; дворовый сапожникъ принялся шить ему сапоги, а барскія бѣлошвеи кроили и шили Трохиму бѣлье. Всѣмъ во дворѣ Придыбалка разсказывалъ, что далъ Трохиму денегъ на одежу и на покупку лошади и воза. «Шпакъ», говорилъ онъ: «посмѣялся надъ бѣднякомъ; задалъ ему такую хитрую загадку, что тотъ хотѣлъ наложить на себя руку. Теперь я въ свою очередь насмѣюсь надъ богачемъ». Это всѣмъ слушавшимъ нравилось, потому что малоруссы вообще охотники подтрунить надъ чванствомъ своего брата разбогатѣвшаго

мужика. Придыбалка приговорилъ двухъ человѣкъ въ сваты Трохиму: одинъ былъ тотъ дворовый сапожникъ, что шилъ Трохиму сапоги, другой зажиточный крестьянинъ изъ слободы, Неглядъ.

Дожидаясь приготовленія одежи, Трохимъ отправился повидаться съ Вассою. Онъ рѣшился открыть ей про себя всю правду. Трохимъ слишкомъ горячо любилъ Вассу, чтобы рѣшиться лгать передъ нею, сочинять и притворяться. Сталъ Трохимъ ходить около Шпакова сада и, заглянувши въ щель частокола, увидалъ Вассу. Она была, какъ казалось, одна въ саду и рвала яблоки. Трохимъ черезъ щель сказалъ ей, что нужно съ нею поговорить, и Васса вышла изъ сада во дворъ, изъ двора въ ворота и обогнувъ дворъ и, садъ, очутилась за оградою сада передъ Трохимомъ.

— Станется все точно такъ, какъ твой батько велѣлъ, сказалъ Трохимъ Вассѣ. — Я пріѣду со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею лошадью, одѣтъ буду въ синій жупанъ изъ панскаго сукна.

— Гдѣ-жъ ты досталъ все это?—спрашивала его Васса, съ выраженіемъ неожиданной радости и вмѣстѣ испуга.

— Чужимъ людямъ никому про то не скажу, а тебѣ все открою,—отвѣчалъ Трохимъ.—Воля твоя будетъ: хочешь выходи за меня, хочешь плюнь на меня, какъ на самое послѣднее ледащо!

Трохимъ разсказалъ ей все подробно, сообщилъ и о томъ, что земская полиція присудила послѣ произведеннаго слѣдствія.

Слушая страшную повѣсть, Васса блѣднѣла, потомъ отскочила отъ Трохима съ какимъ-то дикимъ взглядомъ, потомъ подняла руки и закрыла ими лицо себѣ. Трохимъ дрожалъ какъ Каинъ. Боязнь Божеской кары, уже до того времени

тревожившая его, охватила въ немъ душу съ неудержимою силою. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ. Молчала и Васса, продолжая закрывать себѣ лицо руками и всхлипывая.

— Ахъ Васса, Васса!—началъ снова Трохимъ.—Ты думаешь, мнѣ не страшно того, что я надѣлалъ? А какъ же было дѣлать? Я хотѣлъ утопиться и утопился бы, когда бы этотъ Придыбалка меня не оттащилъ отъ рѣки. Легче ли было бы тебѣ, еслибъ я самъ себя смерти предалъ? Коли ты меня больше не любишь, скажи одно слово, и я пойду, брошусь въ воду!

Васса стала смотрѣть на него съ выраженіемъ скорби, потомъ задумчиво опустила голову и немного погодя, какъ бы что-то вспоминая, промолвила:

— Говорятъ: когда кто убьетъ человѣка, тотъ пусть идетъ въ самую глухую полночь на то мѣсто, гдѣ похоронили убитаго: тамъ ему привидится такое, что онъ узнаетъ, какъ его Богъ покараетъ, и скоро ли постигнетъ его кара. Такъ старые люди говорятъ. Батько въ книгѣ читалъ, что одному убійнику было такое видѣніе на могилѣ убитаго. Убійникъ послѣ того сталъ спасаться, и Богъ его простилъ. И ты сдѣлай такъ: иди въ полночь въ лѣсъ, гдѣ побитыхъ зарыли въ землю. Что тамъ тебѣ станется—мнѣ про то скажешь. Тогда подумаемъ, что дѣлать.

Въ раздумьи ушелъ отъ ней Трохимъ и въ тотъ же день въ сумерки направилъ путь свой туда, куда посылала его невѣста.

Взошелъ Трохимъ на гору, дошелъ до Лубковъ, прошелъ слободу Лубки, сталъ входить въ лѣсъ. Мимо собственной воли стало Трохиму очень-очень страшно. Совѣсть въ немъ

заговорила. «Судъ не узнаетъ», думалъ онъ,— правда; судъ уже рѣшилъ, что купцы сами убились, и разбоя никакого не было; на меня никто не положилъ думки; всѣхъ обманули мы, но Бога обмануть невозможно. Богъ все видѣлъ, какъ дѣлалось, Богъ все знаетъ... Богъ знаетъ, что былъ разбой, и разбойникъ—я. Богъ и такое знаетъ, чего еще не сдѣлалъ человѣкъ, а только думалъ сдѣлать. Богъ—такой судья, что отъ Него ничто, ничто не скроется. Богъ справедливъ. Не только худое дѣло, и худая думка не останется у Бога безъ кары".

Никакъ и ничѣмъ не могъ Трохимъ отогнать отъ себя гнетущей мысли о Божіемъ наказаніи. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ роковому мѣсту, тѣмъ страшнѣе становилось ему. Ночь была безлунная; звѣзды на небѣ то закрывались тучами, то сверкали, выступая изъ-за тучъ. Была глубокая тишь; листья на деревьяхъ не шевелились. Вотъ, наконецъ, Трохимъ дошелъ.

На лѣвой сторонѣ отъ дороги въ ночномъ полумракѣ отличилъ Трохимъ новый деревянный крестъ, поставленный на могилѣ свѣжей, еще не утоптанной. Воображенію преступника стали представляться мертвецы, вылѣзающіе изъ-подъ земли: они грозно глядятъ на него и какъ будто призываютъ противъ него Божеское правосудіе. Скрѣпившись, подходитъ онъ къ могилѣ; ноги у него подкашиваются. Трохимъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и произнесъ: «Господи, помилуй! А вы, души праведныя, простите меня, вашего убійника". Вдругъ у него въ глазахъ зарябило, сердце застучало. Онъ—не въ силахъ приподняться. Онъ непонимаетъ, что съ нимъ творится. Ему мерещится Придыбалка: вотъ онъ какъ будто стоитъ прямо противъ него и смотритъ такъ насмѣшливо.

Ему представляется синій жупанъ, представляется и лошадь, запряженная въ новый возъ; и приходитъ ему въ голову: вотъ еслибъ я не побилъ купцовъ, не имѣлъ бы ни синяго жупана, ни лошади, ни воза, и не увидать бы мнѣ Вассы во вѣки! Но эту мысль быстро смѣняетъ другая: не лучше ли было мнѣ терпѣть нищету, оставаться свинаремъ? Меня-бъ не давило тогда такое горе, что теперь давитъ: оно тяжелѣе нищеты. Вслѣдъ за тѣмъ ему въ голову какъ бы вскакиваетъ опять мысль, противоположная: деньги у меня есть, а съ деньгами еще деньги будутъ и прибудутъ. Люди не знаютъ и не узнаютъ, откуда я ихъ добылъ! Но эту искусительную мысль тотчасъ смѣнила другая: да, люди не узнаютъ, такъ Богъ узнаетъ и Богъ накажетъ. Трохимъ напрасно силится приподняться съ земли: глаза у него закрываются; его бросаетъ то въ холодъ, то въ жаръ; на него какъ будто сонъ находитъ, онъ со сномъ напрасно борется. Порывается Трохимъ встать и не можетъ: словно гвоздями прибитъ онъ къ землѣ! И чудится ему: вотъ таки будто своими ушами онъ слышитъ, изъ-подъ земли голосъ выходитъ: «Господи, покарай того злодѣя, что насъ побилъ!» А этому голосу отвѣчаетъ другой, кто его знаетъ откуда: «покараю въ сорокъ лѣтъ! *) И потомъ—нѣтъ ничего! Трохиму какъ будто стало легче, его члены раздвигаются, онъ открываетъ глаза; но его глаза приковываются къ могилѣ и Трохиму опять страшно. Кажется, вотъ-вотъ изъ-подъ земли два мертвеца вылѣзутъ. Вдругъ Трохимъ будто не своею силою сорвался съ мѣста и бросился во всю прыть назадъ по дорогѣ, а ему чудится, что за нимъ кто-то гонится, кто-то бѣжитъ такими тяжелыми шагами,

*) Въ народной редакціи легенды: Господи, Господи! побий того злочинця, що насъ побивъ! Отвѣтъ: Побью у сорокъ літъ.

что земля гудитъ, что этотъ кто-то бросаетъ за нимъ вслѣдъ огромныя деревья, хочетъ попасть въ Трохима. Бѣжалъ Трохимъ безъ отдыха и безъ оглядки, пока не выбѣжалъ изъ лѣса въ поле. Далѣе бѣжать онъ былъ не въ силахъ и упалъ на землю.

Въ эту минуту никакъ нельзя было увѣрить Трохима, что съ нимъ на самомъ дѣлѣ не было того, что ему представилось. Спустя нѣсколько минутъ онъ всталъ и пошелъ медленнѣе; вмѣсто страха, ему подъ сердце подступила томительная тоска.

Прошедши слободу Лубки, Трохимъ наткнулся на человѣка, идущаго насупротивъ его. Трохимъ приглядѣлся и узналъ Придыбалку.

— Ты что тутъ шляешься?—спрашиваетъ его Придыбалка.— Зачѣмъ сюда забрелъ въ такую пору? Отвѣчай, да смотри: говори правду. Не думай обмануть меня. Не выдумывай ничего. Слышь: правду говори. Меня ты не обманешь.

Трохиму показалось, что этотъ загадочный человѣкъ спрашиваетъ его о томъ, что уже знаетъ, и спрашиваетъ только для того, чтобъ его выпытать: будетъ ли онъ ему лгать, или откроетъ правду. Не могъ Трохимовъ языкъ пошевелиться, чтобы лгать передъ наставникомъ и благодѣтелемъ. Трохимъ отвѣчалъ:

— Я ходилъ на могилу убитыхъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Придыбалка.

— Хотѣлъ узнать: не привидится ли мнѣ чего нибудь, не откроется ли мнѣ: будетъ ли мнѣ кара отъ Бога, говорилъ Трохимъ.

— Дурень ты великій!—сказалъ Придыбалка.—Не умѣешь держать языка за зубами. Проболтался бабѣ или дѣвкѣ, а

тебѣ наплели бабьихъ росказней, а ты, дурень, всему вѣришь и дѣлаешь глупости. Такъ доболтаешься до бѣды. Ахъ ты дурень, дурень! Недоволенъ ты, видно, что все такъ хорошо сложилось для твоей пользы. Ты своимъ дурацкимъ языкомъ все испортишь: и себя самаго погубишь своею дуростью, и меня подведешь. Попадешься въ бѣду, да на меня всю главную вину сложишь: я тебя искусилъ, я тебя на злое научилъ, подбилъ! Вы всѣ такіе, ледачіе, сами заплатить готовы зломъ за добро, что вамъ сдѣлаешь. Ну, разсказывай, дурень: что тамъ тебѣ на могилѣ привидѣлось.

Разсказалъ ему Трохимъ все, что ему представлялось.

— Дурень и еще дурень!—воскликнулъ Придыбалка и расхохотался.—Тебѣ со страху пригрезилось. Ты и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что мертвецы съ Богомъ разговаривали! Куда ужъ имъ разговаривать, когда ты хватилъ ихъ по головамъ дубиною такъ, что и черепъ проломалъ и мозги вывернулъ.

— А душа?—сказалъ Трохимъ.—Не даромъ же говорятъ, что у человѣка не то, что у скотины или у какой нибудь твари, душа есть. Когда человѣкъ умретъ, его душа отлетитъ къ Богу, и Богъ будетъ судить ее за грѣхи.

— Бабы это все наплели!—сказалъ Придыбалка.—Никакой души у тебя нѣтъ и не было, и никуда она не отлетитъ. Что человѣкъ, что звѣрь, что птица, что рыба, что червякъ: все одинаково поживетъ на свѣтѣ и умретъ, и согніетъ, и нѣтъ его больше.

Какъ можно?—говорилъ Трохимъ:—человѣкъ тварь крещеная: оттого у него и душа есть. Батюшка говоритъ, что всѣ мы послѣ нашей смерти будемъ жить на томъ свѣтѣ; праведныя души въ рай пойдутъ, а грѣшныя въ пеклѣ мучиться будутъ за худыя дѣла. Батюшка такъ говоритъ, а онъ все знаетъ, что и какъ написано.

— Ахъ простота, простота!—сказалъ Придыбалка:—всему вѣритъ, что ему ни скажутъ. Да вѣдь батюшки нарочно такъ выдумываютъ, чтобъ на васъ туманъ напускать, да васъ обирать; вы боялись бы на томъ свѣтѣ пекла, а батюшки за молебны да за панихиды съ васъ деньги станутъ брать.

Удивился Трохимъ такимъ рѣчамъ. Подобнаго онъ еще не слыхалъ.

— Значитъ,—спрашивалъ онъ у Придыбалки—по твоему такъ: души у человѣка нѣтъ, и кто умеръ—тому ужъ не жить?

— Не будетъ тотъ больше жить, кто умретъ! —объяснялъ ему Придыбалка: — коли батюшки знаютъ такое мѣсто, гдѣ живутъ тѣ, что померли на этомъ свѣтѣ—пусть вамъ покажутъ такое мѣсто.

— Про то Богъ знаетъ!—сказалъ Трохимъ.—А мнѣ сдается: не можетъ быть такъ, чтобъ человѣкъ какъ умретъ, такъ бушa его не жила бы на томъ свѣтѣ у Бога. Насъ всѣхъ дудетъ судить Богъ; и меня онъ станетъ судить за мое лихое дѣло. Вотъ я и боюсь страшнаго суда Его, и на муку вѣчную въ пекло меня Богъ осудитъ.

— Почему ты знаешь, что есть на свѣтѣ какой-то Богъ? Я объ этомъ тебя уже разъ спрашивалъ; и теперь опять спрашиваю. Видалъ ты этого Бога? Покажи ты мнѣ Его, дай поглядѣть на твоего Бога,—смѣясь говорилъ Придыбалка.

— Люди умные говорятъ про Него, а я что?—сказалъ Трохимъ:—я простъ человѣкъ. Попы—люди письменные, ученые; они про то знаютъ и насъ, дурней, учатъ, надъ попами есть архіереи: тѣ еще умнѣе поповъ, а надъ архіереями, сказываютъ, есть старшой: папа Римъ называется,—тотъ, говорятъ, Бога видитъ, и съ самимъ Богомъ разговариваетъ.

— Все вздоръ, все глупыя бабы такое болтаютъ,—сказалъ

Придыбалка.—Никто Бога не видалъ, никто съ Богомъ не разговаривалъ, потому что Бога на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было. Нынче умные люди не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ діавола, ни рая по смерти не дожидаютъ, ни муки въ пеклѣ не боятся, только говорить о томъ не смѣютъ.

— Коли Бога нѣтъ, какъ ты говоришь, такъ кто жъ это сотворилъ свѣтъ весь?—спрашивалъ озадаченный Трохимъ.

— Само себя все сотворило!—отвѣчалъ Придыбалка.—Все что ты видишь кругомъ себя,—небо, солнце, звѣзды всякая тварь на землѣ и въ водѣ, всякая раслина въ полѣ, все это называется природа: все это сталось само собою, безо всякаго Бога, такъ-таки само себѣ сложилось. Ты думаешь, всѣ, что вамъ разсказываютъ про Бога, думаешь они и на самомъ дѣлѣ вѣрятъ, что есть Богъ? Нѣтъ, Трохимъ. Они знаютъ правду, знаютъ, что Бога нѣтъ, да вамъ этой правды не сказываютъ для того, чтобъ вы были всѣ дурнями, ничего не вѣдали, ни объ чемъ не судили, и вѣрили бы всему, что вамъ скажутъ и дѣлали бы то, что вамъ велятъ. Вотъ они и законъ такой написали, чтобъ вамъ во вредъ былъ и обдуриваютъ васъ: говорятъ вамъ, будто самъ Богъ далъ такой законъ. Смекни, братъ Трохимъ, откуда взялся этотъ Богъ, что ты Его такъ боишься? Никто того Бога не видалъ, никто не зналъ и не знаетъ, хоть и говорятъ, будто Онъ есть гдѣ-то.

— Стало быть и суда отъ Бога намъ не будетъ за наши худыя дѣла?—спрашивалъ Трохимъ.

— Конечно, не будетъ — отвѣчалъ Придыбалка.—Кому судить, коли Бога нѣтъ. Да и какъ тебя судить, когда тебя на свѣтѣ не будетъ.

Трохимъ не нашелся, что на это сказать. Молча, шли они

оба вмѣстѣ. Приближаясь къ Мандрикамъ, Придыбалка возобновилъ бесѣду и говорилъ:

— Вы всѣ боитесь суда за злыя дѣла. А какія такія злыя дѣла и почему они злы—того не знаете. Волкъ задеретъ овцу, кошка задеретъ птичку. Что это развѣ не злыя дѣла? А если злыя, то стало быть и волковъ, и кошекъ, и всякаго лютаго звѣря будетъ судить Богъ? Какъ ты скажешь?

— Не знаю—отвѣчалъ Трохимъ,—нашъ дьячокъ какъ-то разъ говорилъ, что на страшномъ судѣ волкъ принесетъ въ зубахъ кость того барана, что когда-то задралъ, и Богъ будетъ его судить.

Придыбалка сказалъ:

— Волкъ скажетъ Богу: мнѣ ѣсть захотѣлось, оттого я задралъ овцу. Зачѣмъ ты, Боже, создалъ меня такого, что я не могу ѣсть травы, а ѣмъ только мясо? Коли мнѣ овецъ не драть, такъ съ голода пропадать. И тебя, еслибъ сталъ Богъ спрашивать: зачѣмъ ты купцовъ побилъ?.. А ты-бы тому Богу въ отвѣтъ сказалъ: зачѣмъ, Боже, сотворилъ меня бѣднякомъ? Коли бъ я бѣднякомъ не былъ, я бъ и купцовъ не побивалъ. А то я вижу: другіе люди женятся, и мнѣ захотѣлось жениться; но другіе люди живутъ въ добрѣ и холѣ, и за нихъ дѣвушки идутъ, а я живу въ нищенствѣ и за меня, черезъ мою бѣдность, дѣвушки не отдали. Вольно было тебѣ, Господи Боже, создавать меня бѣднякомъ! Мнѣ тоже, какъ и всякому другому, хочется хорошо пожить. А чтобъ хорошо пожить— нужны деньги, нужно платье, нужна лошадь и много чего еще нужно. У другихъ людей все это есть, а у меня нѣтъ. Даромъ никто не даетъ, купить не за что, а жить хочется. Вотъ, я пошелъ и побилъ купцовъ: затѣмъ ихъ побилъ, чтобъ набрать себѣ такого, чего нужно для житья хорошаго. Зачѣмъ,

Боже, сотворилъ меня такимъ, что я долженъ дѣлать тебѣ неугодное? Когда меня Ты сотворилъ, то зналъ, что я буду худое дѣлать: Ты бы лучше меня совсѣмъ не творилъ!—Это я тебѣ, Трохимъ, только для примѣра говорю, какъ бы ты отвѣчалъ передъ Богомъ, еслибы тебя сталъ Богъ судить; но Бога нѣтъ, и судить тебя некому будетъ, и говорить тебѣ такъ не придется. Поживешь, поживешь, потомъ умрешь и согніешь въ землѣ. Вотъ и весь конецъ тебѣ. И всѣмъ тотъ же конецъ. Одни дурни думаютъ о Богѣ и боятся суда Его. Умные люди о такой чепухѣ не помышляютъ и стараются только о томъ, какъ-бы на этомъ свѣтѣ повеселѣе пожить.

Не привыкъ Трохимъ прежде размышлять, а слѣпо держался дѣтскихъ представленій; не въ силахъ онъ былъ однако защищать ихъ, когда Придыбалка принялся ихъ разбивать. Въ Трохимовой головѣ возникъ какой-то туманъ.

Дошедши до Мандрикъ, собесѣдники разстались. Придыбалка пошелъ къ себѣ въ барскій садъ, Трохимъ къ теткѣ. Онъ сообразилъ, что тетка уже спитъ, не вошелъ въ хату, а улегся подъ повиткою. Утромъ, вошедши въ хату, онъ далъ теткѣ денегъ и поручилъ ей купить курицу, молока и водки и приготовить обѣдать по своему желанію, а самъ отправился ко двору Шпака. Съ улицы, черезъ окно свѣтлицы, увидалъ онъ старика, возившагося около своихъ книгъ. Съ нимъ въ свѣтлицѣ была и дочь его. Васса изъ свѣтлицы черезъ окно увидала своего возлюбленнаго, ходившаго по улицѣ. Трохимъ подмигнулъ Вассѣ. Васса кивнула головою. Черезъ три минуты Васса была уже за воротами своего двора и пошла вслѣдъ за Трохимомъ, стараясь идти вдали отъ него, чтобъ отецъ изъ

свѣтлицы не замѣтилъ ихъ вмѣстѣ. Они обогнули дворъ, пошли вдоль сада и сошлись. Трохимъ разсказалъ ей, что съ нимъ было на могилѣ убитыхъ купцовъ. Прослушавши разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ, Васса сказала:

— О, коли въ сорокъ лѣтъ обѣщаетъ Богъ побить тебя, такъ намъ таки долго придется пожить! Пріѣзжай со сватами къ отцу моему и синій жупанъ надѣнь на себя. Отецъ отдастъ меня за тебя. За сорокъ лѣтъ успѣемъ покаяться и отмолить твой грѣхъ; въ церковь начнемъ усердствовать, нищимъ будемъ раздавать милостыню по нашему достатку. Богъ насъ помилуетъ. Богъ безъ мѣры милосердъ. Отецъ въ книгѣ читалъ, что такого грѣха нѣтъ, чтобъ его нельзя отмолить передъ Богомъ.

Трохимъ подъ вліяніемъ Вассы успокоился. Онъ отправился къ теткѣ, пообѣдалъ съ нею, потомъ пошелъ къ Придыбалкѣ.

Сошлись они на завѣтномъ мѣстѣ подъ барскими кузницами, и сталъ Трохимъ держать совѣтъ, какъ ему жить на свѣтѣ.

Придыбалка говорилъ:

— Первое, мой дорогой Трохимъ, покинь всякія бабьи росказни. Забудь про своего Бога, совсѣмъ выбей себѣ изъ головы эту поповскую нисенитницу. Моихъ совѣтовъ послушайся, и будетъ тебѣ хорошо на свѣтѣ. Ты былъ совсѣмъ нищій, а я тебя своимъ совѣтомъ разомъ изъ нищенства поднялъ; и въ люди начинаешь ты выходить, и выйдешь, коли по моимъ наставленіямъ жить будешь; богатымъ сдѣлаешься, люди знать и уважать тебя станутъ! Думай всегда о томъ, что тебѣ можетъ принести корысть, и чтобъ тебѣ убытку не было, а о томъ никогда не помышляй: за что грѣхъ, за что нѣтъ грѣха! Все это бабьи выдумки. Правду я тебѣ скажу: грѣха на свѣтѣ за людьми нѣтъ вовсе, а коли хочешь, есть

у людей глупость: вотъ она то и есть настоящій грѣхъ. Кто глупъ, тотъ и грѣшенъ. Деньги наживать — не глупо, стало быть и не грѣшно. Надобно только такъ дѣлать, чтобъ никто не зналъ, какъ ты ихъ наживаешь, и никто бы не посмѣлъ тебя осудить. Самъ теперь видишь, какъ умно ты поступилъ по моему совѣту: убилъ купца и добылъ отъ него все, что тебѣ нужно было, а лишняго ничего не взялъ. Никто на тебя не положилъ подозрѣнія. Никто не знаетъ, что это сдѣлалъ ты, никто этого и не узнаетъ, пока самъ не проболтаешься. Сдѣлалъ бы ты иначе, погнался бы за большою выгодою, забралъ бы себѣ весь товаръ, увелъ бы къ себѣ лошадей— вотъ и пропалъ бы! Тогда судъ смекнулъ-бы, что тутъ было убійство, сталъ бы доискиваться и навѣрное доискался-бы. А ты вотъ за лишнимъ не погнался, взялъ только свое, что тебѣ необходимо было и только. И теперь все шито-крыто. Вотъ по этому образцу и всегда такъ поступай. Безъ самой послѣдней крайности не пускайся на такое дѣло, что за него пришлось бы идти въ Сибирь, коли бъ оно за тобой открылось. Этого мало. Безъ послѣдней крайности никого не обмани, ни у кого чужаго не зажиль, никого не огорчи, со всѣми въ согласіи будь, живи такъ, чтобъ никто худаго про тебя сказать не посмѣлъ; а ужъ коли пришла крайность послѣдняя, тогда ничего не бойся, никого не жалѣй, нужно обмануть— обманывай, только такъ, чтобъ люди не узнали, а хоть бы узнали, то чтобъ не посмѣли попрекать; придется украсть— украдь, но только такъ, чтобъ люди никакъ не узнали, что ты укралъ; нужно человѣка убить — убей, да только такъ, чтобъ все было шито-крыто, вотъ какъ теперь сталось. Не бойся грѣха, — суда Божія на томъ свѣтѣ себѣ не жди, а умѣй только отъ суда людскаго на этомъ свѣтѣ укрыться.

Вотъ что называется быть умнымъ. Я тебѣ скажу: узнаю все, что съ тобой напередъ будетъ, и узнаю вѣрнѣе того Бога, что ты слыхалъ какъ Онъ на могилѣ въ лѣсу съ мертвецами разговаривалъ. Онъ обѣщалъ тебя въ сорокъ лѣтъ покарать, а я тебѣ скажу: неправда; будешь ты жить въ богатствѣ и благополучіи; будь только уменъ и живи по моему совѣту.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, одежа, обувь и бѣлье для Трохима было все готово. Придыбалка купилъ ему возъ и лошадь. Запрягли лошадь въ возъ, сѣли на возъ двое сватовъ, Неглядъ и сапожникъ; съ ними сѣлъ Трохимъ, одѣвшись въ свой новый длиннополый сюртукъ. Поѣхали къ Шпаку. Трохимъ соскочилъ съ воза и отворилъ ворота во дворъ. Цѣпная собака, завидя чужихъ, рвалась на длинной веревкѣ, по которой скользило кольцо ея цѣпи. Васса съ наймичкою стояла тогда на порогѣ рабочей хаты. Она ждала гостей, но отца не предупредила. Послѣ того какъ Шпакъ прогналъ со двора Трохима, Васса ни разу не дала отцу повода замѣтить, что встрѣчалась гдѣ-нибудь съ нимъ, а самъ Шпакъ не напоминалъ о немъ дочери: онъ надѣялся, что время все исцѣлитъ, и Васса, безъ всякихъ усилій со стороны родителя, перестанетъ тосковать о Трохимѣ. И вотъ, когда Шпакъ, надѣвши очки, готовился читать въ Четьи-минеяхъ житіе Саввы Дороѳея, послышался стукъ колесъ въѣзжавшаго на дворъ воза. Закрывши очки и положивши книгу, Шпакъ бросился отворять дверь свѣтлицы, и вдругъ передъ нимъ является Неглядъ съ хлѣбомъ въ рукахъ. Помолившись къ образамъ, Неглядъ началъ произносить рѣчь, которую при сватаньи по обычаю произносятъ малоруссы: какъ молодой князь ѣздилъ

на охоту, какъ гонялся за лисицею и потерялъ ея слѣдъ, какъ потомъ слѣдъ пропавшаго звѣря нашелся и довелъ ихъ до двора хозяина. Говоря о князѣ, Неглядъ указалъ пальцемъ на Трохима, но Шпакъ нѣсколько секундъ не могъ узнать, кто таковъ былъ этотъ названый князь въ синемъ жупанѣ: до того Шпакъ былъ далекъ предполагать, чтобъ его бывшій наймитъ могъ такъ скоро явиться къ нему въ качествѣ жениха и притомъ въ такомъ одѣяніи. Только тогда, когда Неглядъ назвалъ жениха по имени, Шпакъ дрогнулъ и поблѣднѣлъ, а Трохимъ, поклонившись до земли, сказалъ:

— Вы обѣщали отдать за меня Вассу Денисовну, когда я пріѣду на своемъ возѣ, собственною лошадью, въ синемъ жупанѣ. Я такъ пріѣхалъ, какъ велѣли.

— А гдѣ ты взялъ синій жупанъ?—спрашивалъ Шпакъ.— Укралъ или, можетъ быть, купца на дорогѣ убилъ, да у него изъ товара сукна взялъ?

Невольно дрогнулъ Трохимъ. Такую рѣчь въ пору было бы Шпаку произнести, еслибъ онъ сидѣлъ въ лѣсу за Дубками, когда Трохимъ расправился съ офенями. Шпакъ продолжалъ:

— Вотъ я покажу тебѣ свою дочь. Я тебя въ земскую полицію отправлю; пусть доищутся, гдѣ ты досталъ жупанъ и лошадь.

— Не говорите такъ,—сказалъ Неглядъ.—Не кладите на свою душу грѣха, а на свою семью позору. Трохимъ бѣденъ да честенъ. Мы знаемъ, откуда онъ добылъ себѣ жупанъ и возъ, и лошадь. Нашлись добрые люди, дали ему взаймы денегъ, на эти деньги онъ себѣ все справилъ.

— Какъ это можетъ статься? — сказалъ Шпакъ. — Какой дуракъ дастъ денегъ такому оборванцу?

— Не всѣ такіе, что даютъ деньги только ради своей

наживы,—сказалъ Неглядъ.—Есть на свѣтѣ и такіе добрые люди, что бѣдному человѣку помогаютъ въ нуждѣ.

— Эти добрые люди,—сказалъ Шпакъ:—вѣрно дали ему денегъ, надѣясь получить ихъ отъ меня, когда успѣютъ меня одурачить и сдѣлать тестемъ этого голодранца. Скажите, какіе это добрые люди въ мой карманъ заглядываютъ?

— Не тревожься, Денисъ Савельевичъ,—сказалъ Неглядъ:— никто въ твой карманъ не заглядываетъ. Ты прогналъ Трохима отъ себя за то, что дочь твоя полюбила его; онъ бѣдный, хотѣлъ съ горя утопиться, но по Божіей волѣ спасъ его отъ смерти добрый человѣкъ, Ѳетисъ Борисовичъ. Этотъ Ѳетисъ Борисовичъ и денегъ ему далъ. Не бойся, Денисъ Савельичъ, онъ съ тебя этихъ денегъ правитъ не будетъ. Твой зять, когда разживется, самъ ему заплатитъ, а не то баринъ за него отдастъ, а не изволитъ баринъ отдать и съ твоего зятя получить нельзя будетъ, все-таки съ тебя Ѳетисъ Борисовичъ ихъ не потребуетъ. Богъ наградитъ его за доброе дѣло, что человѣка отъ напрасной смерти спасъ!

— Кто такой этотъ Ѳетисъ Борисовичъ?—спросилъ Шпакъ.

— Тотъ, что у барина въ садовничьей живетъ,—сказалъ Неглядъ.—Кто онъ таковъ—Богъ его знаетъ, а въ слободѣ зовутъ его Придыбалкою.

— Я отлыгаться не стану,—сказалъ Шпакъ:—говорилъ я этому голодранцу, что тогда не стану перечить своей дочери выходить за него, когда онъ пріѣдетъ ко мнѣ на своемъ возѣ, собственною лошадью, одѣтымъ въ синемъ жупанѣ. Не отпираюсь. Я такъ сказалъ. Только ужъ коли Ѳетисъ Борисовичъ нашелся ему такимъ благодѣтелемъ, такъ подобало бы ему придти ко мнѣ и со мной повести объ этомъ дѣлѣ разговоръ.

— Онъ придетъ, какъ вы дадите согласіе, отвѣчалъ Неглядъ.

— Я спрошусь у барина, — сказалъ Шпакъ. — Покойный баринъ—царство ему небесное!—обѣщалъ вольную моей дочери вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ ея мужемъ, а моимъ зятемъ. Онъ велѣлъ тогда придти къ его сыну. Нельзя мнѣ не сходить къ молодому барину.

— Хорошее дѣло, Денисъ Савельичъ,—сказалъ Неглядъ:—барская воля всему голова. Только намъ, сватамъ вы должны сказать: согласны ли отдать дочь свою и жениху тоже объявите: вотъ онъ передъ вами!

— Позову дочку,—сказалъ Шпакъ.—Сама она пусть скажетъ. Я ее ни въ чемъ не силую.

Онъ вышелъ и черезъ двѣ минуты опять вошелъ въ свѣтлицу вмѣстѣ съ Вассою.

— Васса,— сказалъ отецъ: — сватаютъ тебя за Трохима... Господа сваты! какъ бишь вы его величаете?

— Семеновича,—сказалъ сапожникъ.

— За Трохима Семеновича,—продолжалъ Шпакъ.—Желаешь ли идти за него замужъ?

— Желаю, тато!—сказала Васса.

— Слышите, господа сваты,—сказалъ тогда Шпакъ.—Ея добрая воля: сама вамъ объявила. Я ей не перечу; спрошу только барина, потому что я изъ барской воли не выхожу.

Явились на столъ водка, пироги, колбасы. Сталъ хозяинъ угощать гостей. Въ это время двери отворились и въ свѣтлицу вошелъ Придыбалка.

— Денису Савельичу сто лѣтъ здравствовать, — сказалъ онъ входя.—Хлѣбъ-соль добрымъ людямъ и горилка. У васъ, вижу, на ладъ пошло.

Шпакъ пригласилъ новаго гостя къ бесѣдѣ, хотя смотрѣлъ на него недовѣрчиво. Придыбалка не допустилъ Шпака дѣлать

подходы къ дѣлу, и самъ первый завелъ рѣчь о Трохимѣ, занесъ Шпаку турусы на колесахъ о томъ, какъ Трохимъ хотѣлъ утопиться, а онъ, случайно вышедши со двора, увидалъ это и остановилъ парня, какъ потомъ далъ Трохиму денегъ взаймы, чтобъ справилъ себѣ жупанъ, возъ и лошадь. «А тебѣ, Денисъ Савельичъ,—прибавилъ онъ,—надобно непремѣнно сходить къ барину. И я буду при баринѣ, когда ты придешь къ нему».

Шпакъ, выпроводивши гостей, надѣлъ на себя новую свитку свѣтлосиняго сукна, которую надѣвалъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ годъ и вышелъ изъ дома.

Придыбалка, подбившійся въ расположеніе къ молодому Мотылину, уже сообщилъ ему исторію Трохима, выставивши себя спасителемъ. Баринъ въ этотъ день зналъ, что дѣлается у Шпака, и ожидалъ послѣдняго къ себѣ, когда Шпакъ, вышедши съ своего двора, направился къ барскому двору. Мотылинъ былъ человѣкъ добродушный и заранѣе потѣшался надъ тѣмъ, что богатый мужикъ зачванился, а потомъ запутался такъ, что теперь долженъ будетъ въ самомъ дѣлѣ дѣлать то, что обѣщалъ только въ насмѣшку надъ бѣднякомъ. Придыбалка былъ вмѣстѣ съ бариномъ, когда Шпакъ входилъ во дворъ.

— Что старый хрѣнъ, попался въ тенета?—сказалъ ему отставной гусаръ:—самъ научилъ зятька. Видишь, онъ такъ и пріѣхалъ къ тебѣ, какъ ты ему велѣлъ.

— Я за тѣмъ и къ вашей барской милости осмѣлился придти, чтобъ испросить вашего господскаго дозволенія,—сказалъ Шпакъ, низко кланяясь.

— Ему, — сказалъ Мотылинъ: — ему, доброму Θетису Борисовичу, благодаренъ будь за все. Онъ твоего зятя изъ бѣды выручилъ, изъ воды вытянулъ! А ты, старикъ, я вижу, недобрый человѣкъ! Какъ тебѣ не жаль было бѣднаго парня? до чего ты его довелъ? сквалыга ты этакой! Вотъ за это стоишь ты, право, того, чтобъ тебя здѣсь разложить да взбучить. Я прощаю тебѣ ради моего покойнаго отца, что онъ тебя, стараго хрѣна, любилъ и въ завѣщаніи написалъ, чтобъ тебѣ отдать семь тысячь, что ты отдалъ ему на сохраненіе.

Мотылинъ ушелъ и, возвратившись снова, держалъ въ рукѣ билетъ Сохранной Казны Воспитательнаго Дома.

— Вотъ, — говорилъ онъ: — и твои деньги. Покойный отецъ отправилъ ихъ въ Опекунскій Совѣтъ, чтобъ накопить тебѣ процентовъ. Тутъ ихъ накопилось уже за четыре года. Изъ этихъ процентовъ, что наросли на твой капиталъ, заплати Θетису Борисовичу все, что онъ истратилъ на твоего зятя. Слышишь?

— Слушаю, — сказалъ Шпакъ.

— А ты, Θетисъ Борисовичъ — продолжалъ Мотылинъ обращаясь къ Придыбалкѣ: — подай ему счетъ. Послѣ этого нечего медлить, старикъ: за свадьбу!

— Благодаримъ вашей барской милости, — сказалъ Шпакъ, кланяясь и касаясь пальцами до земли.

— Послѣ сватьбы, сказалъ Мотылинъ: — пусть молодые придутъ ко мнѣ получить отпускную.

Прошло послѣ того не болѣе какъ двѣ недѣли, и дворъ Шпака огласился свадебными пѣснями дружекъ. Была первая половина сентября. Погода стояла ясная, теплая. Крестьяне покончили полевыя работы и занимались возкою сноповъ на гумна: это самое подходящее время для веселостей

въ сельскомъ быту. Свадьба у Шпака устроена была не хуже и не скупѣе, какъ у всякаго зажиточнаго мужика, но тамъ недоставало живой непринужденной веселости. Хозяинъ старался быть со всѣми привѣтливъ, всѣхъ просилъ ѣсть пить и веселиться, но всѣмъ было какъ-то неловко въ близости съ нимъ, и всѣ дышали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ меньше замѣчали внимательность къ себѣ хозяина. Даже тетка Трохимова, послѣ многихъ лѣтъ нищенской жизни, теперь, въ качествѣ жениховой матери, посаженная на почетномъ мѣстѣ, чувствовала себя такъ стѣснительно, что хотѣла бы уйти въ свою бѣдную хатку.

Послѣ сватьбы новобрачные ходили къ барину, и Мотылинъ выдалъ имъ отпускную.

Пришелъ послѣ того къ Шпаку Придыбалка и при немъ говорилъ его зятю:

— Я тебѣ, Трохимъ Семеновичъ, дамъ вотъ какой совѣтъ: ты переселись въ городъ и запишись въ купцы. Только прежде выучись читать и писать. Человѣкъ неграмотный все равно, что малый ребенокъ, которому всегда нужна нянька. Такъ неграмотному нуженъ всегда благопріятель, чтобъ его во всемъ наставлять. А выучишься грамотѣ,—словно изъ слѣпаго сдѣлаешься зрячимъ: никто тебя не обманетъ, а всякій будетъ еще бояться, чтобъ ты его не обманулъ!

— Истинно, правда, Өетисъ Борисовичъ,—сказалъ Шпакъ, лебезившій тогда передъ Придыбалкою, панскимъ любимцемъ, до униженія.—Настали такія времена, что, не знаючи грамотѣ, невозможно никуда сунуться!

Предложилъ Придыбалка самъ учить Трохима гражданской печати, которую зналъ тверже, чѣмъ Шпакъ, болѣе свѣдущій въ церковной. Сталъ Трохимъ ходить къ Придыбалкѣ и учиться

чтенію и письму, гражданской печати, ариѳметикѣ и умѣнью считать на счетахъ. Придыбалка хвалилъ понятливость ученика своего.

Въ слѣдующую зиму передъ масляницею молодой Мотылинъ женился на дочери своего сосѣда, владѣльца слободы Лубки и, по окончаніи свадебныхъ пировъ, въ барскомъ дворѣ, въ великій постъ, Трохимъ, по обычаю пришедши къ Придыбалкѣ заниматься, услышалъ отъ него такое слово:

— Намъ приходится разстаться, и вѣрно ужъ навсегда. Дай мнѣ руку.

Трохимъ подалъ ему руку. Придыбалка внимательно посмотрѣлъ ему на ладонь и говорилъ:

— Я умѣю угадывать по рукамъ, что съ человѣкомъ впередъ станетъ. Ты богатъ будешь. Пойдешь въ купцы—знай: все торговое дѣло на томъ построено, что одинъ другому лжетъ, одинъ другаго обманщикомъ обзываетъ, а себя честнымъ выставляетъ, а всѣхъ искуснѣе, умѣлѣе тотъ, кто успѣетъ такъ прикинуться, что всѣ его честнымъ считаютъ и никто его въ обманѣ никакъ не поймаетъ, а онъ-то самый первый обманщикъ и есть. Тотъ паче всѣхъ разбогатѣетъ. Смотри, Трохимъ! дойди до того, чтобы всѣхъ обманывать, а тебя никто обманщикомъ назвать бы не посмѣлъ и всѣ бы трубили про твою честность. А чтобъ до этого дойти, нужно съ начальствомъ ладить, нужно ему взятки давать. И ты, знавши это, не скупись, давай всѣмъ, кому нужно давать: лучше иногда и лишнее дать, и такому иногда дать, что можно бы и не давать; всетаки лучше, нежели не дать или не отдать, кому слѣдуетъ. Давши начальству взятки, не бойся ничего и никого: уже тебя никто не посмѣетъ чернить, боясь

начальства, потому что начальство—сила, а ты себѣ силу закупилъ! Только надъ всякимъ начальствомъ на свѣтѣ есть еще начальство верхнее. Большому кораблю плаванiе большое, а малой лодкѣ плаванiе малое. Вотъ ты начнешь торговать въ небольшомъ городѣ; это тебѣ малое—плаванiе будетъ. Тутъ городничiе, исправники, засѣдатели и другiе, всѣхъ ихъ закупишь себѣ взятками. А расторгуешься—перейдешь въ губернiю, тамъ тебѣ будетъ побольше плаванiе. Тамъ губернаторы и прочiя важныя лица, подлаживайся къ нимъ и взятки давай. Они вѣдь тоже люди, и имъ своя польза дорога. Расторгуешься—перейдешь въ столицу: тамъ тебѣ будетъ самое большое плаванiе. Тамъ начальство еще выше: тамъ министры, генералы, всякiя знатныя особы. И они люди, и имъ хочется жить какъ можно лучше: и къ нимъ подладиться можно. За то ужъ какъ съ ними въ прiятство войдешь, такъ широко и высоко пойдешь; всею Россiею повернешь! Тогда обманывай всѣхъ сколько хочешь, никто не посмѣетъ обвинить тебя, ни даже попрекнуть.

— Куда мнѣ такъ высоко залетать?—сказалъ Трохимъ.

— Не говори такъ!—сказалъ Придыбалка:—сколько такихъ примѣровъ, что смолоду ходитъ человѣкъ въ изорванномъ сѣрякѣ, а подъ старость ворочаетъ миллiонами. Мнѣ, Трохимъ, сдается, что съ тебя выйдетъ богатѣйшiй купецъ на всю Россiю. У тебя смекалки-то много. Перечислишься въ купцы, прислушаешься къ ихъ рѣчамъ, присмотришься къ ихъ дѣламъ, и многое поймешь. Не забывай только моихъ наставленiй,—главное: о своемъ Господѣ Богѣ не думай, суда Его не жди, чертей въ пеклѣ послѣ смерти не бойся! Помышляй только о томъ, какъ бы себѣ на этомъ свѣтѣ пользы больше получить.

— Вы куда жъ уходите отсюда?—спросилъ Трохимъ.

— Нашъ баринъ женился. Молодая барыня не взлюбила меня. Я ухожу отъ нихъ.—отвѣчалъ Придыбалка.

— Куда?—еще разъ попытался спросить Трохимъ.

— На что тебѣ знать?—сказалъ Придыбалка.—У тебя своя дорога. И мы, вѣрно, ужъ болѣе не встрѣтимся. Помни мои наставленія.

И они попрощались. Черезъ три дни Придыбалки не было въ барскомъ дворѣ. Никто не могъ сказать, куда и въ какое время онъ уѣхалъ и даже уѣхалъ ли. Словно испарился или сквозь землю провалился. Не было объ немъ съ той поры ни слуху. Въ Мандрикахъ тогда сильнѣе подозрѣвали: не бѣсъ ли то былъ въ человѣческомъ образѣ! А оно правдоподобно, судя по тому, какъ онъ отзывался о Богѣ.

Того-жъ года послѣ Пасхи не было въ Мандрикахъ ни Трохима съ Вассою, ни его тестя. Усадьба Шпака по продажѣ, съ разрѣшенія помѣщика, перешла къ другому лицу.

Перебрался Трохимъ въ городъ, записался въ третью гильдію, принялся, по совѣту съ тестемъ, торговать подсолнечнымъ масломъ, которое въ то время было совершенною новостью и давало Трохиму большіе барыши, до тѣхъ поръ, пока по примѣру его, другіе торговцы не взялись за то же; тогда случайно на улицѣ услыхалъ Трохимъ разговоръ двухъ прохожихъ, толковавшихъ о томъ, что одинъ торговецъ другаго города разжился отъ торговли косами, которыя тогда привозились изъ Австріи. Не сказавши никому о своемъ намѣреніи, Трохимъ договорилъ одного нѣмца, жившаго въ аптекарскихъ гезеляхъ переводчикомъ, съѣздилъ съ нимъ за границу и привезъ оттуда транспортъ косъ. Обогатили Тро-

хима косы пуще подсолнечнаго масла. Трохимъ былъ въ состоянiи купить себѣ двухъ-этажный домъ съ лавками внизу. Потомъ, замѣтилъ Трохимъ, что люди ни отъ чего такъ быстро не разживаются, какъ отъ винныхъ откуповъ и вступилъ въ компанiю откупщиковъ, состоявшую изъ купцовъ и помѣщиковъ. Въ этомъ дѣлѣ еще болѣе посчастливилось Трохиму.

Эка! какъ ему деньги-то сыпятся! говорили торговцы. А кажись, никакой особой мудрости въ немъ нѣтъ». И въ самомъ дѣлѣ, никакъ не могли отыскать въ Трохимѣ такихъ качествъ, что помогали ему разживаться. Съ виду онъ казался такъ себѣ, простофилею, прикидывался незнайкою, когда его пытались о чемъ-нибудь выспросить, самъ никогда прямо не спрашивалъ о томъ, что его въ данное время занимало, а старался узнать объ этомъ какъ-нибудь съ боку, слушая однимъ ухомъ и показывая видъ, будто его не касается вовсе то, о чемъ идетъ рѣчь, а потомъ уже извлекалъ какъ могъ и умѣлъ свои выгоды. Изъ купцовъ своего города онъ одинъ только читалъ газеты и въ состоянiи былъ говорить и по своему судить о такихъ предметахъ, которые для другихъ были совершенно чужды, и поэтому онъ нравился дворянамъ, которые были съ нимъ въ одной откупной компанiи.—«Какой умный мужикъ этотъ хохолъ, какой простой и честный!»—говорили они о Трохимѣ.

Васса оставалась безграмотною, но, одаренная природнымъ умомъ, отличалась замѣчательнымъ житейскимъ тактомъ: она успѣла отстать отъ такихъ слободскихъ привычекъ, которыя слишкомъ угловато выдавались въ ея новомъ положенiи; со всѣми привѣтлива, ни съ кѣмъ не заносчива, ни съ кѣмъ особенно не дружилась, ни съ кѣмъ не ссорилась, ни кого въ глаза не хвалила, ни кого за глаза не бранила и, несмотря

на зависть, возбуждаемую скорымъ обогащеніемъ Трохима, находилась со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ первый же годъ своего переселенія въ городъ Васса родила сына. Въ голову Трохиму вошла тогда зловѣщая мысль: *что, если сынъ его,* теперь невинный младенецъ, *понесетъ кару отъ Бога за тяжкія преступленія родителей?* Не даромъ Шпакъ разсказывалъ ему изъ какого-то прочитаннаго благочестиваго разсказа: какъ невинный человѣкъ, не сдѣлавши ничего дурнаго, пилъ горькую чашу бѣдствій за преступленія своего родителя и наконецъ, самъ того не желая, *погубилъ отца своего.* Такъ Богъ покаралъ грѣшника. Такъ можетъ быть, думалъ Трохимъ, и меня когда-то, Богъ покараетъ чрезъ моего сына. Придыбалки не было; его искусительныхъ наставленій подновить было некому, память о нихъ теряла свѣжесть и силу. Дѣтскія грезы брали верхъ. Внутренній голосъ какъ - будто шепталъ Трохиму: есть Богъ и онъ тебя накажетъ!—Когда Васса оправилась отъ родильнаго недуга, мужъ напомнилъ ей о ея обѣщаніи молиться Богу за грѣхъ его. Васса сказала:

— Будемъ молиться. Надобно! Каждый праздникъ въ церковь станемъ ходить, посты будемъ соблюдать, милостыню раздавать начнемъ у церковныхъ дверей, а я непремѣнно исполню обѣщаніе—схожу пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ.

И потекли мѣсяцы, годы... Жила Васса, не помышляя о подвигахъ покаяній и о паломничествѣ въ Кіевъ.

На десятомъ году послѣ своего переселенія въ городъ, похоронивши своего тестя, перебрался Трохимъ въ губернскій городъ.

Здѣсь счастье улыбнулось ему еще дружелюбнѣе. Нашъ Трохимъ—теперь уже Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ—богатѣйшій купецъ во всей губерніи; уже онъ не примыкаетъ къ

откупной компаніи, онъ самостоятельный дѣятель, и къ нему примыкаютъ другіе: ни у кого денегъ взаймы онъ не проситъ, своихъ у него вдоволь; зато другіе его просятъ: сдѣлай милость, батюшка, Трохимъ Семеновичъ, возьми, будь благодѣтель! и Трофимъ Семеновичъ многимъ благодѣтельствуетъ — беретъ у кого сотни, у кого тысячи, а у нѣкоторыхъ и десятки тысячъ, платитъ процентовъ по пятнадцати, а самъ, пуская въ оборотъ занятыя деньги, наживаетъ по два рубля на рубль и болѣе. У него въ откупу пять уѣздовъ и губернскій городъ, а въ послѣднемъ два каменныхъ дома: въ одномъ изъ нихъ помѣщается его питейная контора. Губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель и совѣтники казенной палаты, всѣ полицейскіе и земскіе чиновники — у него на опредѣленномъ жалованьи; а его питейная контора — источникъ богатыхъ милостей. Служить по питейной части было такъ выгодно, что управляющимъ конторою Трохима Семеновича былъ статскій совѣтникъ, оставившій коронную службу и всѣ сопряженныя съ нею надежды на чины и ордена за двадцать тысячъ жалованья въ годъ и удобную квартиру при конторѣ. За предѣлами своей питейной части Трохимъ Семеновичъ пользовался такимъ вѣсомъ и значеніемъ, что стоило только заручиться его покровительствомъ, чтобъ имѣть успѣхъ во всякомъ тяжебномъ дѣлѣ, гдѣ бы оно ни производилось. — Показисто жилъ Трохимъ Семеновичъ: давалъ обильные обѣды и блестящіе вечера, гдѣ бывали губернскіе властители, и каждому изъ нихъ оказывалась подобающая честь по его рангу. И кто бы могъ узнать оныхъ временъ бѣднаго наймита въ этомъ милліонерѣ, передъ которымъ такъ лебезили высокородные и превосходительные свѣточи губернскаго міра! Не забывалъ Трохимъ Семеновичъ и

долга христіанскаго человѣколюбія: каждый годъ жертвовалъ по 300 рублей на городскую больницу и раздавалъ обильную милостыню нищенствующей братіи у подъѣзда своего дома въ день великаго пятка.

На двадцать первомъ году своей коммерческой дѣятельности Трофимъ Семеновичъ, отправившись въ Петербургъ на сенатскіе торги, возвращался въ свою губернію съ намѣреніемъ переселиться въ столицу. Но какъ только онъ вступилъ въ подъѣздъ своего дома, услыхалъ печальную вѣсть. Васса Денисовна скончалась за недѣлю до возвращенія мужа изъ столицы. Отъ доктора, лѣчившаго г-жу Яшникову, онъ узналъ, что смерть постигла ее скоропостижно, отъ разрыва артеріи.

Сильно загрустилъ Трофимъ Семеновичъ объ утратѣ жены, съ которою сжился въ продолженіи многихъ лѣтъ. Скорбѣлъ онъ, между прочимъ, о томъ, что Васса Денисовна все собиралась совершить путешествіе въ Кіевъ на богомолье и уже теперь не могла никогда исполнить своего обѣта. До сихъ поръ счастье неуклонно везло Трохиму Семеновичу, а въ счастьи, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ мало способенъ бываетъ къ раскаянію и сердечному сокрушенію; отъ этого какъ ни осаждало душу Яшникова воспоминаніе о содѣянномъ имъ когда-то преступленіи, но не могло надолго и всецѣло овладѣть его существомъ. Бывало, когда такое чувство охватитъ его, онъ спѣшитъ подѣлиться имъ съ своею женою, и Васса Денисовна такъ или иначе старается успокоить мужа. Теперь ее не стало, и въ цѣломъ свѣтѣ не было уже никого, съ кѣмъ бы онъ могъ заговорить о своей сердечной тайной боли. Преступникъ осужденъ теперь страдать одинъ, безъ раздѣла

Священнику онъ ни разу не открывалъ своего грѣха на исповѣди: жена постоянно просила его, чтобъ онъ, ради своей безопасности и добраго имени, этого не дѣлалъ, да и отъ другихъ лицъ Яшниковъ слыхалъ, будто попы, узнавши на исповѣди о совершенныхъ преступленіяхъ, открывали ихъ. Трофимъ Семеновичъ выбиралъ себѣ въ духовные отцы такихъ поповъ, которые у исповѣдующихся не спрашиваютъ о грѣхахъ по росписи, какая составлена и напечатана въ требникахъ, а ограничиваются общими выраженіями въ родѣ такихъ: покайтесь, въ чемъ чувствуете себя грѣшнымъ, и тому подобное,—такъ что, исповѣдуясь у такого попа, можно и не открыть ему грѣха и не скрыть его, а совершить настоящее іезуитское restrictio mentalis. Теперь, когда не было съ Трофимомъ Семеновичемъ единственнаго друга, знавшаго всю подноготную его прошедшей жизни, пробудившаяся съ неукротимою силою нечистая совѣсть жестоко мучила его. Неудержимо хотѣлось ему подѣлиться своею тайною мукою. Онъ обратилъ мысль на мѣстнаго архіерея, а этотъ архіерей пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ губернскомъ городѣ, какъ мужъ святой жизни и мудрыхъ словесъ. Преосвященный Агаѳодоръ былъ извѣстенъ Яшникову и прежде. Къ нему отправился теперь онъ для тайной бесѣды.

— Ваше преосвященство,—сказалъ архіерею откупщикъ.—я тяжелый грѣшникъ, пришелъ къ вамъ просить совѣта, утѣшенія и наставленія. Исповѣдуйте меня духовный отецъ, по правиламъ.

Богъ знаетъ, какъ принялъ бы такую просьбу отъ кого нибудь другаго преосвященный владыка, но отъ богатаго и всѣми уважаемаго въ губерніи откупщика онъ принялъ ее любезно, приказалъ подать себѣ мантію, поставить аналой, прочиталъ молитву и началъ спрашивать.

— Я грѣшникъ великій! — сказалъ Яшниковъ. — Тяжелый грѣхъ лежитъ на моей совѣсти многіе годы.

— Нѣтъ грѣха, который былъ бы оставленъ Богомъ безъ прощенія, если только грѣшникъ принесетъ истинное покаяніе, — сказалъ владыка. — Каялись-ли вы предъ духовнымъ отцомъ?

— Я страшился, — сказалъ Трофимъ Семеновичъ — чтобъ духовный отецъ, узнавши о моемъ преступленіи, не предалъ меня въ руки земнаго правосудія. И теперь, если я рѣшаюсь исповѣдать мой грѣхъ передъ вами, владыко, то поступаю такъ оттого, что питаю къ вамъ особое, величайшее уваженіе и притомъ открою передъ вами свой грѣхъ только тогда, когда вы соизволите дать свое архипастырское слово, что...

Архіерей перебилъ его рѣчь и сказалъ:

— По правиламъ св. отецъ, никакой священно-служитель не долженъ открывать никому чужихъ грѣховъ, о которыхъ онъ узналъ отъ исповѣдующагося грѣшника. Если вамъ наговорили, будто священники могутъ повредить вамъ, узнавши отъ васъ тайны ваши на исповѣди, то вамъ не слѣдовало этому вѣрить. А что вы такъ безпокоитесь, то даю вамъ свое архипастырское слово: не смущайтесь, говорите смѣло; хоть бы вы родителей своихъ убили или собственную дочь изнасиловали, — все равно — будьте покойны! Я вамъ назначу, сообразно вашимъ винамъ, церковное наказаніе, но не предамъ васъ ни мірскому суду, ни мірской молвѣ.

Яшниковъ, успокоенный такими словами, началъ повѣсть своей жизни и разсказалъ о событіи, случившемся въ дачѣ села Лубки, въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Другаго тяжкаго грѣха никакого за собою не сознаете? спросилъ владыка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ.

— Я потому васъ объ этомъ спросилъ, — сказалъ архіерей:—что обыкновенно одно преступленіе влечетъ за собою рядъ другихъ преступленій; но, если вы не совершили послѣ того никакихъ порочныхъ поступковъ, это значитъ, что содѣянное вами преступленіе было плодомъ пылкой молодости, неопытности, крайней бѣдности и, главное, полнѣйшаго невѣжества, въ которомъ вы тогда пребывали, наравнѣ со всѣмъ простонародіемъ. Грѣхъ вашъ великъ, но вина ваша смягчается обстоятельствами вашей тогдашней жизни и вашего тогдашняго духовнаго состоянія. Я не могу назвать васъ испорченнымъ, неисправимымъ грѣшникомъ, когда вы, сдѣлавши преступленіе въ юности, потомъ, въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, прожили честно, принося пользу обществу и притомъ, какъ мнѣ посторонніе сообщали, не оставляли дѣлъ благочестія и христіанскаго милосердія. Если я особенно строго буду васъ порицать, то за то, что вы такъ долго не открывали своего грѣха духовнику и не постарались заранѣе очистить свою совѣсть. За это я вамъ назначу епитимію. Въ память вашей добродѣтельной супруги, которую Господу угодно было призвать къ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во искупленіе грѣха вашего, содѣяннаго въ тѣ годы, когда волнуютъ человѣка страсти, извольте построить церковь, снабдить ее изящнымъ иконостасомъ, изрядною утварью, нарочитымъ священнослужительскимъ облаченіемъ и положить въ ея пользу сумму, на каковую могъ бы содержаться клиръ. Если свершите сіе благое дѣло, примете сторицею благая и въ семъ житіи, и въ будущемъ, и отпустится вамъ грѣхъ вашъ. Согласны ли исполнить назначаемую вамъ епитимію? Не выше ли средствъ вашихъ она будетъ? Откровенно скажите: тогда я вамъ иную назначу.

Яшниковъ поклонился съ видомъ смиренія. Архіерей продолжалъ:

— Однако, не подумайте, что, созидая храмъ Богу, вы, такъ сказать, подкупаете Его правосудіе. Такое помышленіе да не внидетъ въ душу вашу. Сущность покаянія въ сердечномъ сокрушеніи и въ искреннемъ сожалѣніи о томъ, что вы совершили грѣхъ предъ Богомъ! Но всякое содѣянное человѣкомъ преступленіе требуетъ возмездія, которое состоитъ въ томъ, чтобъ виновный потерпѣлъ нѣчто за свою вину. На семъ основаніи и земный судъ опредѣляетъ кару по закону. И церковь, хотя чадолюбивая мать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праведная судія, прощая кающемуся грѣшнику, требуетъ однако, чтобъ онъ понесъ возмездіе за свой грѣхъ. Вотъ на такомъ-то основаніи я налагаю на васъ епитемію. Кромѣ сего имѣю еще и то въ виду. Если бы вы знали близкихъ кровныхъ убитыхъ вами людей, то сочли бы своимъ долгомъ оказать имъ съ своей стороны какое-нибудь благодѣяніе. Конечно?

Яшниковъ утвердительно кивнулъ головою.

— Но вы ихъ не знаете,—продолжалъ архипастырь. Такъ вмѣсто нихъ совершите благодѣяніе для христіанскаго общества. Вы сами говорите, что, желая умилостивленія за свой грѣхъ, раздавали милостыню. Но что значитъ плотская милостыня? Вы изъ своихъ сокровищъ давали неимущимъ только тѣлесныя блага. Выше всѣхъ тѣлесныхъ благъ благо духовное. А такое благо дадите вы алчущимъ и жаждущимъ онаго тѣмъ, что создадите храмъ, въ которомъ будутъ всегда возноситься молитвы и куда будутъ притекать ожидающіе отъ Бога великія и богатыя милости.—Тогда и многолѣтнее томленіе души вашей, яко раскаяніе, вмѣнится вамъ въ искупленіе грѣха вашего.

— Обѣщаюсь исполнить все, что изволите наложить на меня,—сказалъ Яшниковъ.

— Я васъ лишаю причащенія св. Таинъ, доидеже не совершите налагаемаго на васъ дѣла, — сказалъ владыка. — Впрочемъ, если бы, сохрани васъ отъ этого Богъ, вы заболѣли опасно, тогда можете причаститься.

Немедленно принялся Яшниковъ за постройку храма.

Денегъ откупщикъ не жалѣлъ, и потому дѣло это пошло живо. Въ мартѣ, послѣ бесѣды съ владыкою, происходила закладка, осенью въ тотъ же годъ все церковное зданіе было готово, поставленъ иконостасъ, и преосвященный Агаѳодоръ совершилъ освященіе новаго храма съ придѣломъ, во имя св. мученицы Вассы. Въ день освященія владыка произнесъ слово о заслугахъ создателей и благотворителей св. Божіихъ храмовъ, а «въ своихъ палатахъ», оставаясь наединѣ съ Трофимомъ Семеновичемъ, сказалъ ему:

— Нынѣ древній грѣхъ вашъ отпущается вамъ всецѣло. Писано бо: аще разрѣшите на земли, разрѣшено будетъ на небеси. Я, смиренный и недостойный, разрѣшаю грѣхъ вашъ: вѣрьте, что и Господь разрѣшилъ его. Таковы слова Христа самого. Не помышляйте болѣе о грѣхѣ своемъ и не страшитесь каръ за него, иначе, показывая недовѣріе къ словамъ Господа, согрѣшите тяжко и оскорбите безмѣрное милосердіе Божіе. Теперь, послѣ исповѣди, можете причаститься св. Таинъ!

Спустя немного времени, преосвященный Агаѳодоръ былъ указомъ св. синода переведенъ въ другую епархію, а потомъ Трофимъ Семеновичъ, успокоившись и утѣшившись о потерѣ

супруги, вступилъ вторично въ бракъ съ дочерью помѣщика слободы Лубковъ, тестя Мотылина. Этотъ баринъ занимался откупнымъ дѣломъ, и потому Трофимъ Семеновичъ съ нимъ сблизился.

Скоро послѣ сватьбы Трофимъ Семеновичъ перебрался въ Петербургъ.

И начался еще новый періодъ жизни Трофима Семеновича Яшникова. Годы пошли за годами: живетъ онъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ. Не ограничиваясь откупнымъ дѣломъ, онъ взялъ въ Сибири золотые пріиски и ведетъ дѣла черезъ своихъ довѣренныхъ. Въ золотомъ дѣлѣ везетъ ему счастье, пуще чѣмъ въ откупномъ. Остряки, выражаясь о возрастаніи его богатства, говорятъ, что Яшниковъ просто пухнетъ. Молва доводитъ его капиталъ до суммы многихъ милліоновъ. Онъ—коммерціи совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра, сообщившаго ему потомственное дворянство. Весь нижній этажъ его дома занятъ его конторою; она, по качеству его занятій,—въ двухъ отдѣленіяхъ и представляетъ подобіе министерскаго департамента. Въ бельэтажѣ помѣщается самъ хозяинъ. Широкая, устланная коврами и уставленная экзотическими растеніями лѣстница ведетъ въ его покои, гдѣ все блеститъ серебромъ, золотомъ, фарфоромъ, малахитомъ, яшмою... Домъ Трофима Семеновича постоянно открытъ для гостей: роскошные обѣды, блестящіе вечера, широкое хлѣбосольство хозяина и хозяйки! Лѣтъ черезъ восемь послѣ переселенія Яшникова въ столицу, къ нему въ домъ прибыла сестра жены его, Мотылина, которой мужъ, умирая, оставилъ въ собственность свои Мандрики. Эта госпожа, поживши у Яшниковыхъ года два членомъ семьи ихъ, умерла, передавши полученное отъ мужа имѣніе своей сест-

рѣ, Яшниковой. Послѣ того Трофимъ Семеновичъ, вмѣстѣ съ женою и дочерью отъ перваго брака, отправился въ доставшіяся женѣ его вотчины. Незадолго до того скончался ея отецъ, и ей теперь доставались и Лубки, и Мандрики.

Путь ихъ съ большой почтовой дороги направлялся проселочною дорогою къ Лубкамъ. Приближаясь къ этой слободѣ, Трофиму Семеновичу приходилось проѣхать черезъ то мѣсто, гдѣ когда-то происходило событіе, тяготившее его совѣсть. Крестъ, поставленный на могилѣ двухъ убитыхъ, еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, но подгнилъ, почернѣлъ и покрылся зеленою плѣсенью. Со стороны дороги оврагъ былъ обнесенъ кирпичнымъ парапетомъ: уже нѣсколько кирпичей изъ него успѣло выпасть и обвалиться въ оврагъ. «Ah, quel abîme!» невольно воскликнула дочь Яшникова, отворачивая голову отъ оврага.

— Хорошо еще, что обгорожено!—замѣтила госпожа Яшникова:—а то не дай Богъ заѣхать сюда въ глухую ночь! А вотъ и чей-то крестъ: можетъ быть здѣсь похороненъ такой, что ночью опрокинулся въ этотъ оврагъ!

Ямщикъ, услыхавши замѣчаніе барыни сказалъ:—Это такъ точно было, сударыня: ѣхалъ купецъ съ товаромъ ночью и опрокинулся въ оврагъ, и товаръ при немъ остался, и лошадей съ нимъ нашли въ оврагѣ. Такъ его-то вмѣстѣ съ батракомъ здѣсь похоронили.

— Давно это было? спросила Яшникова.

— Годовъ, почитай, болѣе тридцати будетъ. Не при нашей памяти. Старые люди сказываютъ, отвѣчалъ ямщикъ.

Трофиму Семеновичу подперло дыханіе, но онъ не произнесъ ни слова.

Пріѣхали въ Лубки. На другой день госпожа Яшникова,

вмѣстѣ съ падчерицею, отправилась служить панихиду надъ могилою своихъ родителей. Трофимъ Семеновичъ остался дома. Онъ былъ сильно взволнованъ послѣ того, какъ увидѣлъ мѣсто, гдѣ когда-то совершилъ страшное преступленіе, и, въ безпокойствѣ расхаживая по комнатамъ дома, въ углу подъ образами нашелъ святцы кіевской печати, принадлежавшіе его давно уже умершей тещѣ. Онъ машинально развернулъ ихъ и наткнулся на слѣдующее мѣсто во вседневной полунощницѣ: «День онъ страшный помышляющи, душе моя, поблди, вжигающе свѣщу твою, елеемъ просвѣщающи; не вѣси бо, когда пріидетъ къ тебѣ гласъ, глаголющій: се женихъ!» Трофимъ Семеновичъ положилъ святцы и сталъ ходить по комнатамъ, но прочитанныя въ святцахъ слова не отставали отъ его души. Грозно воскресало передъ нимъ прошедшее въ страшныхъ, знакомыхъ образахъ: какъ онъ убивалъ купцовъ, какъ вмѣстѣ съ Придыбалкою опрокидывалъ ихъ тѣла въ оврагъ, какъ, потомъ, пришедши на ихъ могилу, услышалъ неизвѣстно откуда исходившій голосъ: покараю въ сорокъ лѣтъ!» Вотъ уже прошло тридцать четыре года, осталось шесть лѣтъ: и тѣ пройдутъ, и сороковой годъ наступитъ, и тотъ годъ пройдетъ, и настанетъ день, тотъ самый день, о которомъ говорится въ святцахъ, день, когда къ душѣ его пріидетъ гласъ, глаголющій: се женихъ! Сталъ тогда пытаться Трофимъ Семеновичъ утѣшать себя воспоминаніями о преосвященномъ Агаѳодорѣ; онъ вѣдь владыка, архипастырь, онъ въ церкви носитъ на себѣ образъ самого Христа Господа. Не сказалъ ли преосвященный, что грѣхъ его прощенъ, что ему не слѣдуетъ томить себя и пугать ожиданіями Божія суда? Да, онъ сказалъ такъ. Что можно возразить противъ того что, онъ говорилъ? Не указалъ ли онъ на слова самого Бога,

давшаго власть пастырямъ разрѣшать грѣхи людей? Не оставилъ ли Господь обѣщаніе, что все разрѣшенное на земли, будетъ имъ разрѣшено на небеси? Развѣ это не такъ? Да, а между тѣмъ совѣсть начала снова жечь сердце Трофима Семеновича. Развѣ разрѣшеніе архіерея безсильно? Или не значитъ ли, что со стороны грѣшника еще что-то осталось сдѣлать? Что же? Каяться; но вѣдь архіерей не велѣлъ болѣе ни скорбѣть, ни думать о томъ, что уже разрѣшено и прощено! Да, архіерей разрѣшилъ, и Богъ, стало быть, разрѣшилъ; а Трофиму Семеновичу страшно, больно.... Колѣна его тряслись, сердце задрожало. Онъ пересталъ ходить по комнатамъ дома, въ изнеможеніи прилегъ на диванъ и невольно закрылъ глаза.

Вернулись жена и дочь. Принялись завтракать. Напрасно Трофимъ Семеновичъ думалъ залить бургонскимъ виномъ и заѣсть честерскимъ сыромъ разшевелившуюся совѣсть. Случайно раскрытая въ святцахъ страница не выходила у него изъ воображенія: ему все мерещился страшный день, свѣча и гласъ, вопіющій: се женихъ!

Пробывши съ недѣлю въ Лубкахъ, Яшниковы отправились въ Мандрики. Невыразимыя ощущенія охватили душу Трофима Семеновича, когда онъ увидалъ то село, гдѣ родился, проѣхалъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ когда-то бродилъ съ мѣшкомъ за плечами, выпрашивая хлѣбные недоѣдки. Теперь вотъ онъ въѣзжаетъ въ барскій дворъ, тотъ самый дворъ, куда онъ назадъ тому тридцать пять лѣтъ не смѣлъ войти, пугаясь грознаго имени: баринъ; а баринъ въ его дѣтскомъ воображеніи представлялся существомъ страннымъ и вмѣстѣ ужаснымъ, существомъ непохожимъ на обыкновенныхъ людей, такимъ существомъ, которое все только сердится и дерется!

Теперь—онъ самъ баринъ, да еще владѣлецъ этого самаго двора, котораго въ ребячествѣ такъ боялся.

Въ первый же день, когда Яшниковы расположились въ барскомъ домѣ слободы Мандрикъ, Трофима Семеновича что-то невольно потянуло въ садъ. Вотъ оранжерея, вотъ садовая изба: здѣсь въ отдѣльной половинѣ этой садовой избы жилъ Придыбалка, сюда приходилъ къ нему учиться чтенію, письму и цифири молодой крестьянинъ, только что женившійся на дочери богатаго мужика. У дверей оранжереи стоялъ невѣдомый Трофиму Семеновичу рабочій; онъ почтительно снялъ шапку, сознавая, что передъ нимъ новый баринъ.

— Кто у васъ теперь главный садовникъ?—спросилъ его Трофимъ Семеновичъ. Рабочій назвалъ его по имени.

— Не знаешь ли, — спросилъ Трофимъ Семеновичъ — гдѣ теперь Ѳетисъ Борисовичъ, что былъ у покойнаго Мотылина главнымъ садовникомъ?

— Не могу знать, — отвѣчалъ рабочій. Такого, сударь, кажись, у насъ не было.

— Былъ, сказалъ Трофимъ Семеновичъ, давно только; годовъ больше тридцати тому прошло.

— Этого мы помнить не можемъ,—отвѣчалъ рабочій:—я въ тѣ поры еще не родился.

Отошелъ отъ него Трофимъ Семеновичъ; онъ пошелъ гулять по саду; вездѣ замѣчалъ онъ отпечатокъ запустѣнія. Видно было, что этотъ садъ много лѣтъ уже оставался безъ хозяйской любви къ нему. Вышедши изъ сада и проходя черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ встрѣтилъ служителя; волосы съ просѣдью показывали, что онъ живетъ на свѣтѣ около пятидесяти лѣтъ. Трофимъ Семеновичъ остановилъ его и спрашивалъ:

— Не помнишь ли ты Өетиса Борисовича, что былъ когда-то главнымъ садовникомъ у Мотылина?

— Немного помню— сказалъ служитель,—только я тогда жилъ еще на слободѣ, и во дворъ меня не брали. Помню. Его звали въ слободѣ Придыбалкою.

— Да, да, Придыбалкою, сказалъ Трофимъ Семеновичъ. Не знаешь ли, не слыхалъ ли, гдѣ онъ?

— Не знаю, сударь,—отвѣчалъ служитель. Да наврядъ-ли кто въ слободѣ про то знаетъ. Про него ходили въ народѣ странные слухи;— ну да вѣдь глупый народъ, мало-ли чего болтаетъ.

— Что такое?—спросилъ Трофимъ Семеновичъ.

— Такое, баринъ,—сказалъ служитель,—такое, что и говорить про то негодилось бы. Извѣстно, народъ глупъ, мало-ли что мелетъ.

— Что такое? скажи,—съ любопытствомъ допрашивалъ его Трофимъ Семеновичъ.

— Что будто...—говорилъ таинственно служитель,—будто онъ только въ образѣ человѣческомъ ходилъ, а на самомъ дѣлѣ не человѣкъ былъ.

— Кто же? спрашивалъ баринъ.

— Извѣстно,—сказалъ служитель—народъ глупъ, сударь; необразованность, мало-ли чего выдумаетъ простонародіе по своей простотѣ?

— За кого же считали въ слободѣ этого Придыбалку? скажи,—допрашивалъ баринъ.

— За самого лукаваго, сударь,—сказалъ служитель.—Говорили: кто только съ этимъ Придыбалкою свяжется, того онъ сейчасъ на грѣхъ подведетъ. Съ покойнымъ нашимъ бариномъ, говорятъ, такое было, въ тѣ поры какъ они были мо-

лоды и пріѣхали изъ полка. Совсѣмъ было обошелъ ихъ этотъ Придыбалка, во всемъ на него баринъ положился и души въ немъ не слышалъ; только послѣ, какъ они изволили остепениться и женились, молодая барыня первымъ долгомъ потребовала отъ барина, чтобъ этого Придыбалки у нихъ ни во дворѣ, ни въ слободѣ не было. Баринъ послушались добраго совѣта барыни и согнали Придыбалку. Куда тотъ ушелъ, гдѣ дѣлся, гдѣ жилъ послѣ того, и живетъ-ли онъ до сихъ поръ на свѣтѣ, про то я не знаю, и наврядъ-ли у насъ въ слободѣ есть такой, кто про это знаетъ. Еще про него въ слободѣ ходила такая притча, что коли кто по наущенію его пойдетъ и пообѣщаетъ ему жить такъ, какъ онъ укажетъ, того онъ богатымъ сдѣлаетъ и въ большую честь введетъ. Былъ у насъ въ слободѣ старикъ, лѣтъ ему за восемьдесятъ перевалило; недавно умеръ. Тотъ, помню, разсказывалъ: былъ, говоритъ, у насъ въ слободѣ парень, бѣдный такой, что совсѣмъ нищій, милостыни подъ окнами просилъ! Этотъ Придыбалка и говоритъ ему: «дай мнѣ клятву, что будешь дѣлать все, что я тебѣ велю. Я тебя за то богачемъ произведу». Парень искусился и далъ ему такую клятву. Чтожъ вы думаете? Этотъ парень какъ-то вышелъ на волю и ужасть какъ разбогатѣлъ. Такъ старикъ этотъ сказывалъ, а Богъ его знаетъ, правда ли это, или нѣтъ.

Отъ этого разсказа поблѣднѣлъ Трофимъ Семеновичъ. Онъ понялъ, что рѣчь шла не о комъ другомъ, а именно о немъ. У народа про него сложилась сказка. Вотъ что оно—думалъ Яшниковъ, ушедши отъ разсказчика,—народъ здѣсь не совсѣмъ забылъ про меня, сплелъ про меня небылицу. Значитъ, надобно быть осторожнымъ, чтобъ крестьяне не узнали, кто теперь у нихъ сталъ бариномъ. А развѣ можно утаить шило

въ мѣшкѣ? Пусть-бы знали, что я когда-то по этой слободѣ ходилъ бѣднымъ оборвышемъ. Это не бѣда. Тѣмъ больше чести. А вотъ что дурно, когда станутъ болтать, что ихъ баринъ разбогатѣлъ при помощи чорта, ходившаго въ человѣческомъ образѣ. А чтожъ? Станутъ болтать. Что тутъ подѣлаешь? Всѣмъ не зажмешь рта. Всего хуже, какъ провѣдаютъ, съ какого повода я богатѣть началъ. Нѣтъ, нѣтъ! Этого провѣдать не могутъ. Судъ уже давно рѣшилъ, что убійства не было: купцы по собственной неосторожности опрокинулись въ оврагъ. Такъ и въ народѣ, какъ видно, осталось. Вотъ и ямщикъ, что насъ везъ, говорилъ: ѣхали какіе-то купцы и упали съ повозкою въ оврагъ, и товаръ, и лошади при нихъ найдены. Стало быть ихъ никто не убивалъ, иначе разбойники взяли бы себѣ товаръ. Нѣтъ, люди не узнаютъ моей тайны; одинъ Богъ знаетъ ее. Но архіерей увѣрялъ меня, что Богъ простилъ уже меня. А вотъ умные люди говорятъ, что Бога вовсе и нѣтъ. А кто его знаетъ; однако все равно, мнѣ бояться нечего, коли есть Богъ, такъ Онъ меня простилъ, и наказывать больше не станетъ, а коли Его нѣтъ, такъ и наказывать меня некому.

Прошедши черезъ дворъ, Трофимъ Семеновичъ не вошелъ въ домъ, а вышелъ чрезъ калитку и очутился въ виду двухъ господскихъ кузницъ. И вспомнилъ онъ, какъ здѣсь, подъ этими кузницами, онъ видался съ Придыбалкою и слушалъ его наставленія; увидалъ онъ и то плесо, куда хотѣлъ броситься, когда Шпакъ прогналъ его. Вспомнилъ онъ и рѣчи Придыбалки, какъ тотъ указалъ ему путь найти себѣ синій жупанъ и лошадь, чтобъ жениться на Вассѣ. Вспомнилъ онъ и про то, какъ Придыбалка предсказывалъ, что онъ будетъ богачемъ. Пророчество сбылось. Но съ чего пошла его раз-

жива? Съ того несчастнаго бумажника, что онъ вынулъ изъ кармана убитаго имъ человѣка! Ахъ какой скверный начатокъ! Ахъ какое ужасное дѣло! Не съ этого ли гнуснаго дѣла началъ онъ богатѣть, а мало по малу дошелъ до того, что сталъ коммерціи совѣтникомъ, дворяниномъ, знатнымъ бариномъ. Какая необычная и вмѣстѣ проклятая судьба! Всему начало положило преступленіе, за которое слѣдовало его, по закону, сослать въ каторгу. Чтожъ теперь дѣлать? Каяться. Но кому каяться? Богу? Но Богъ простилъ его; такъ архипастырь сказалъ и то было уже давно. А вонъ другіе умные люди, что все читали и много знаютъ, говорятъ, будто и Бога-то нѣтъ.

Такъ перевертывались мысли въ головѣ Трофима Семеновича, когда онъ остановился передъ кузницами, подъ которыми тридцать четыре года тому назадъ слушалъ наставленія Придыбалки. И не на что было его уму опереться, снова начиналась и не кончалась въ его душѣ обычная внутренняя борьба.

Воротившись съ прогулки въ домъ, Трофимъ Семеновичъ предложилъ женѣ и дочери проѣхаться по дачѣ. Пообѣдавши, они сѣли въ коляску покойныхъ Мотылиныхъ, оставшуюся въ имѣніи послѣ господъ. Проѣхали мимо того мѣста, гдѣ жила когда-то солдатка Ирина, Трохимова тетка. Не было уже убогой солдаткиной хаты, гдѣ проводилъ когда-то теперешній петербургскій богачъ свое грустное отрочество. Вмѣсто нея въ новомъ дворѣ стояли двѣ нарядныхъ избы, а позади, гдѣ былъ когда-то жалкій огородъ солдатки, зеленѣлъ густолистный садикъ. Яшниковы проѣхали мимо бывшаго двора Шпака: и тамъ увидалъ Трофимъ Семеновичъ совсѣмъ не то, что напечатлѣвалось въ его памяти отъ молодыхъ лѣтъ. Ни слѣда

прежней свѣтлицы, ни рабочей избы; прежнія ворота отнесены въ другое мѣсто, а тамъ, гдѣ у Шпака были ворота во дворъ, красовался домикъ въ великорусскомъ стилѣ, съ пятью окнами, передъ которыми не во дворѣ, а на улицу въ палисадникѣ зеленѣли кусты сирени и бузины. Все перемѣнилось въ Мандрикахъ за тридцать четыре года, замѣтилъ Трофимъ Семеновичъ. Даже церковь, въ которой его крестили и вѣнчали, измѣнила свой наружный видъ: прежде она была покрыта драныо, а теперь—листовымъ желѣзомъ, покрашеннымъ ярко-зеленою краскою, а посаженныя вокругъ церкви березки, которыхъ зналъ Трофимъ Семеновичъ маленькими деревцами, стали теперь большими, густолистными деревьями. Только два надгробные памятника въ церковной оградѣ гласили о прошедшемъ слободы Мандрикъ: первый—покрывалъ останки стараго Мотылина и жены его,—другой, рядомъ съ первымъ—поставленъ былъ на могилѣ послѣдняго изъ Мотылиныхъ, оставившаго имѣнія женѣ своей, передавшей его, по завѣщанію, въ родъ Яшниковыхъ.

Пробывши около двухъ недѣль въ Мандрикахъ, и сдѣлавши хозяйственныя распоряженія объ управленіи Мандриками и Лубками, Яшниковы возвращались въ Петербургъ.

Яшниковы выѣхали на своихъ лошадяхъ на почтовую дорогу. Путь ихъ въ Петербургъ лежалъ черезъ Москву. На этомъ пути, въ тридцати верстахъ отъ столбовой дороги находился знаменитый во всей Россіи монастырь: чудотворная икона Богоматери привлекала туда богомольцевъ изъ близкихъ и далекихъ сторонъ православнаго русскаго міра. Госпожѣ Яшниковой казалось предосудительнымъ не посѣтить этого

монастыря хоть разъ въ жизни, особенно когда случай приводилъ ее проѣзжать неподалеку отъ этой святыни. Трофимъ Семеновичъ, угождавшій женѣ, и теперь не отказалъ ей. Яшниковы свернули съ почтовой дороги и прибыли въ монастырскую гостинницу, гдѣ расположились въ трехъ покояхъ. Въ большой монастырской церкви стояла въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ чудотворная икона Богоматери; въ другой церкви былъ колодецъ, называемый живоноснымъ: народъ признавалъ особую благодать въ водѣ этого колодца. Когда Яшниковы побывали у архимандрита, тотъ сообщилъ имъ, что въ монастырѣ есть схимникъ, отецъ Пафнутій, старикъ семидесяти пяти лѣтъ, имѣвшій даръ прозорливости и провидѣнія будущаго. Впрочемъ, преподобный отецъ, какъ счелъ нужнымъ замѣтить архимандритъ, не терпѣлъ, чтобъ къ нему приходили изъ любопытства; нерѣдко посѣтителю, являвшемуся съ такимъ побужденіемъ, схимникъ говорилъ: «что ты ко мнѣ гадать пришелъ? Ступай лучше къ бабѣ ворожеѣ, коли тебѣ охота заниматься суевѣріями!» Если же посѣтитель ему нравился, то схимникъ укорялъ его въ наставительномъ тонѣ: «будущее одному Богу вѣдомо! Грѣшно желать знать о своей грядущей судьбѣ: полагайся во всемъ на волю Божію». Хотя онъ былъ постникъ и отшельникъ, но никого не заманивалъ къ прелестямъ монашескаго житія. Пришелъ къ нему однажды купчикъ, которому пришла охота странствовать изъ монастыря въ монастырь, съ намѣреніемъ вступить современемъ самому въ монахи. «Тебѣ» — сказалъ ему отецъ Пафнутій—«не велитъ Богъ думать о монашествѣ. Не всякому инокомъ быть можно, а только тѣмъ, кого Богъ самъ къ тому избираетъ! Не думай, что въ мірѣ спастись нельзя. Ступай въ свой городъ и занимайся торговлею. Богъ

пошлетъ тебѣ хорошую жену, и ты будешь добрый семьянинъ и честный торговецъ». Такъ поступилъ купчикъ и такъ съ нимъ сталось въ жизни. Не всякаго допускалъ къ себѣ схимникъ; инымъ онъ не отвѣчалъ, когда, подходя къ его дверямъ, они произносили молитву: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ! Не дождавшись благосклоннаго: аминь! они принуждены были уходить съ прискорбіемъ. Однажды пришла къ нему какая-то барыня. Схимникъ допустилъ ее, но не давая ей обычнаго благословенія, спросилъ ее: «какой ты вѣры?» — Какъ какой? сказала изумленная барыня — православной, грекороссійской! — «Есть люди» — сказалъ отецъ Пафнутій — «именующіе себя христіанами, а они — сущіе язычники и покланяются многимъ идоламъ. И ты такая же. У тебя идолы — женскія платья, шляпки, ленты, перчатки: все это идолы твои». И потомъ началъ ее учить отецъ Пафнутій, что надобно паче всего любить Бога, а къ тлѣннымъ земнымъ вещамъ не прилѣпляться. Много подобнаго разсказывали объ отцѣ Пафнутіи, во свидѣтельство его мудрости и прозорливости.

Услыхавши отъ архимандрита объ этомъ прозорливомъ старцѣ, Трофимъ Семеновичъ, остававшійся подъ вліяніемъ впечатлѣнія, возбужденнаго посѣщеніемъ Мандрикъ, рѣшился пойти къ старцу и у него исповѣдываться.

По указанію монаха, Трофимъ Семеновичъ отправился на монастырское кладбище, отдѣленное невысокою каменною оградою отъ главнаго монастырскаго двора, на которомъ стояли церкви. На кладбище вела калитка, настолько широкая, что черезъ нее можно было пронести гробъ съ покойникомъ. Вправо отъ калитки вдоль стѣны, отдѣлявшей кладбище отъ двора, стояла небольшая церковь; главный входъ въ эту цер-

ковь былъ со двора, а на кладбище выходила изъ церкви другая дверь, желѣзная, отворявшаяся только въ такомъ случаѣ, когда нужно было нести покойника въ могилу. Далѣе за церковью, вдоль той же стѣны, была келья схимника. Единственный входъ въ эту келью былъ со стороны кладбища. Близь ея двери продѣлано было маленькое оконце, а на противоположной сторонѣ во дворъ было другое оконце, нѣсколько шире перваго; черезъ это послѣднее затворнику подавали пищу. У самой кельи на кладбищѣ были могилы, и одинъ надмогильный крестъ, стоя у самой двери, какъ будто просился въ келью къ отшельнику. По наставленію, сообщенному монахомъ, Яшниковъ подошедши къ оконцу, выходившему на кладбище, произнесъ: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! Изъ кельи послышалось: аминь. Дверь отворилась.

Трофимъ Семеновичъ вступилъ въ келью. Это была маленькая комнатка, въ ней не могло стать въ рядъ болѣе трехъ человѣкъ. Каменная лежанка, безъ всякой постели, составляла ложе отшельника. Столъ, съ двумя лежавшими на немъ книгами и простая, некрашеная скамеечка составляли всю мебель комнаты. Надъ лежанкою висѣлъ образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Передъ Трофимомъ Семеновичемъ стоялъ мужчина въ черной власяницѣ, закрытый схимническимъ аналавомъ, съ изображеніемъ креста и адамовой головы подъ крестомъ. Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ поцѣловать ему руку; схимникъ отдернулъ ее.

— Я.... началъ было золотопромышленникъ.

— Ты,—перебилъ его отшельникъ,—грѣшникъ! Но всѣхъ грѣшниковъ Богъ по своему безконечному милосердію прощаетъ, если они смиренно покаются предъ Богомъ. Есть грѣхъ паче всѣхъ грѣховъ—то гордость духа. Рекъ бо Гос-

подъ: Блаженни нищіи духомъ: тѣхъ бо есть царствіе Божіе! Смиряйся и кайся!

Другой бы счелъ такія слова обычнымъ иноческимъ нравоученіемъ, примѣнительнымъ ко всѣмъ людямъ; но Трофимъ Семеновичъ оставался подъ впечатлѣніемъ воспоминанія о своемъ преступленіи; ему пришло въ голову такое соображеніе: онъ сразу назвалъ меня грѣшникомъ, онъ стало быть узналъ, кто къ нему пришелъ. Правду говорятъ про него, что онъ прозорливъ. И Трофимъ Семеновичъ разсказалъ отцу Пафнутію всю повѣсть житія своего, начиная съ дѣтства. Не утаилъ онъ и страшнаго дѣла, совершеннаго въ лѣсу надъ оврагомъ.

— Окончилъ?—спросилъ отецъ Пафнутій строгимъ, но спокойнымъ голосомъ.

— Окончилъ, — отвѣчалъ Трофимъ Семеновичъ. — Меня смущаетъ...

— Да не смущается сердце ваше, — сказалъ отшельникъ: терпи наказаніе отъ Бога и уповай на его безпредѣльное милосердіе.

— Меня, продолжалъ Трофимъ Семеновичъ — именно то смущаетъ, что я не понесъ никакого наказанія, и я думаю, что кара меня ожидаетъ тогда, когда исполнится сорокъ лѣтъ, какъ мнѣ обѣщано было на могилѣ. До сихъ поръ все идетъ благополучно, деньги за деньгами сыпятся въ карманъ, мнѣ только и горя было, что потерялъ жену, но скоро потомъ Богъ даровалъ мнѣ другую, также достойную. И дѣтьми своими я доволенъ.

— *Этимъ тебя Богъ и наказываетъ*,—сказалъ схимникъ:— *что тебѣ во всемъ удача и благополучіе; въ этомъ тебѣ и починъ кары Божіей*. Никакой грѣхъ не останется у Бога безъ кары, ни одна добрая мысль — безъ награды. Какъ бы

ты, послѣ совершеннаго тобою злаго дѣла, перенесъ какое нибудь несчастіе, то счелъ бы его Божіимъ наказаніемъ, а ты вотъ говоришь, во всемъ тебѣ удача была, и денегъ у тебя много, и семьею ты доволенъ. Это значитъ: Богъ оставляетъ впередъ кару надъ тобою. Хорошо было бы, когда бы на самомъ дѣлѣ приключилось тебѣ какое-нибудь несчастіе, или болѣзнь тебя постигла, прежде чѣмъ исполнится сорокъ лѣтъ, а то хуже будетъ, когда и сорокъ лѣтъ пройдетъ, и съ тобой ничего не случится, и денегъ у тебя много будетъ, и будешь ты здоровъ и благополученъ, и во всѣхъ дѣлахъ твоихъ будетъ удача. Тогда перестанешь ты страшиться кары, и тогда совсѣмъ потеряешь—не скажу вѣру въ Бога: у тебя ее нѣтъ,—потеряешь страхъ Божій, который у тебя еще есть. Вотъ тогда послѣдняя твоя будетъ кара на землѣ. Земные люди слухомъ внимаютъ и не слышатъ, очима смотрятъ и не видятъ. Имъ нерѣдко благополучіемъ кажется то, что есть великое бѣдствіе; добро видятъ они тамъ, гдѣ настоящее зло. Со стороны глядя на тебя, люди подумаютъ: вотъ надъ нимъ благословеніе Божіе! Оттого ему во всемъ удача и счастье! Обманываются люди: не благословеніе тебѣ это, а кара! Вотъ какъ-бы привелъ тебя Господь потерпѣть даже за то, въ чемъ ты ни душой, ни тѣломъ не виноватъ. И тогда было бы тебѣ лучше. Пусть бы люди напрасно тебя обвиняли, а ты бы самъ зналъ, что не за то, по Божію смотрѣнію, несешь наказаніе. А если такъ до твоей смерти будетъ тебѣ во всемъ одно благополучіе, и люди будутъ тебя хвалить и прославлять, не зная, что ты былъ великій грѣшникъ и злодѣй, тогда горе тебѣ! Это значитъ, что зѣло прогнѣвилъ ты Бога: и Богъ соблюдаетъ для тебя кару въ твой послѣдній день, рука страшнаго суда своего.

— Что мнѣ дѣлать? честный отецъ. Скажи, что мнѣ дѣлать? Я думалъ угодить Богу и заслужить Его милосердіе, я на святыя церкви жертвовалъ, храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ.

— А что сказано — возразилъ отецъ Пафнутій, «аще вся имѣнія моя раздамъ нищимъ, любве же не имамъ, никая польза ми есть». Храмъ построилъ, нищимъ благодѣтельствовалъ! Вы думаете Бога подкупить вашею милостынею? Да вѣдь Іуда предатель о нищихъ пекся, когда укорилъ жену, пролившую драгоцѣнное мѵро на Господа. Что ему Господь сказалъ: нищихъ всегда имѣете съ собою, а меня не всегда. А Онъ, Господь, что такое? Онъ—любовь всесовершенная. Когда въ наше сердце вступаетъ любовь, значитъ самъ Богъ въ него вступитъ. Съ нами тогда Христосъ. Пользуйся, человѣче, минутою, когда Христосъ съ тобою. Пройдетъ сія драгоцѣнная минута, отгонишь Христа отъ себя лукавыми своими помыслами и намѣреніями, тогда мѣсяцы, годы пойдутъ обычною чредою, а Христа съ тобою не будетъ; станешь звать его къ себѣ, а онъ не придетъ! Тогда сколько ни раздавай милостыни, сколько ни строй церквей—все тщета, никая ти польза есть. Люди тебя хвалить будутъ и только. Отъ людей воспріимешь мзду свою, а отъ Бога ее не ожидай.

— Что же—сказалъ Трофимъ Семеновичъ—что же дѣлать, когда ни милостынею, ни богоугодными дѣлами нельзя, какъ говоришь ты, загладить грѣха? А честный владыка, повелѣвшій мнѣ построить храмъ во искупленіе моего преступленія, сказалъ мнѣ, что какъ онъ разрѣшилъ мнѣ грѣхъ здѣсь, такъ и на небѣ разрѣшенъ будетъ грѣхъ тотъ.

— По разрѣшенію пастырскому,—сказалъ схимникъ,—грѣхъ разрѣшается на небеси Богомъ только тогда, когда грѣшникъ

самъ кается съ вѣрою. А у тебя нѣтъ вѣры. Безъ собственной вѣры грѣшника безсильно всякое разрѣшеніе духовнаго лица. А чтобъ имѣть вѣру, надобно со смиреніемъ вымолить ее у Бога.

— Какъ же это сдѣлать? Научи, — сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

— Если я укажу тебѣ къ тому средство, ты не поступишь по моему совѣту,—сказалъ отшельникъ.

— Поступлю, честнѣйшій отецъ. Скажи твой совѣтъ, — произнесъ Трофимъ Семеновичъ.

— Скажу тебѣ— сказалъ отецъ Пафнутій: — только напередъ знаю, что ты моего совѣта не примешь; скажу тебѣ для того, чтобъ ты зналъ тотъ путь своего спасенія, по которому пойти у тебя не хватитъ ни рѣшимости, ни силы. Раздай всѣ свои капиталы на добро своимъ ближнимъ, а самъ останься безъ гроша. Съ чего началось твое обогащеніе? Съ преступленія, со злодѣянія! Потеряй же добровольно все, нажитое тобою на этомъ нечистомъ пути: тогда получишь ты возможность испросить у Бога полное прощеніе за свой тяжкій грѣхъ. Только все раздай, ничего у себя не оставь; не уподобись Ананіи и Сапфирѣ. Такъ раздай, чтобъ никто не узналъ, что это роздано тобою. Не труби передъ собою!

— Какъ же?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ: — я сдѣлаю нищими собственныхъ дѣтей, неповинныхъ въ отцовскомъ грѣхѣ?

—А ты—сказалъ ему отецъ Пафнутій:—читаешь въ повседневной молитвѣ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Если такъ молишься, чего тебѣ страшиться за дѣтей? Богъ дастъ имъ хлѣбъ насущный. Господь силенъ прокормить и одѣть твоихъ дѣтей. Въ евангеліи сказано: имѣйте вѣру Бо-

жію, и аще речете горѣ сей: верзися въ море, будетъ по глаголу вашему. Это, вѣдь словеса самого Господа. У тебя нѣтъ вѣры; я это вижу, но безъ вѣры никакая щедрая милостыня не примиритъ тебя съ Богомъ; безъ твоей собственной вѣры никакое архипастырское разрѣшеніе не разрѣшитъ тебя на небеси. Вѣру надобно пріобрѣсть, а чтобъ ее пріобрѣсть—я подаю тебѣ такой совѣтъ. Весь свой капиталъ потратишь, дѣтямъ своимъ не оставишь, тогда дѣтей своихъ предашь въ волю Божію. Вотъ тутъ и будетъ твоя вѣра въ Бога. Тутъ важно не то, что ты свои милліоны издержишь на богоугодныя дѣла. Что милліоны? Прахъ, тлѣнъ, соръ. Что такое богоугодныя дѣла? Отъ дѣлъ не оправдится никакая плоть предъ Нимъ. Тутъ именно то важно, что дѣти твои тебѣ милѣе и дороже всего, а ты имъ никакихъ богатствъ не оставишь, и предашь ихъ въ волю Божію. Этимъ ты благодать Божію къ себѣ привлечешь.

Трофимъ Семеновичъ молчалъ, потупивши голову. На лицѣ его изображалось смущеніе.

— Что, богачъ? Видно, жестоко слово сіе!—сказалъ схимникъ.—Видно, ты уподобляешься тому богачу, ему же Христосъ предложилъ, если хочетъ совершенъ быти, раздать всѣ свои имѣнія нищимъ и идти за Христомъ! Не прошло мимо тебя слово Господа, рекшаго: удобѣе верблюду пройти сквозь уши иглиныя, нежели богатому въ царствіе Божіе внити! Пусть же Богъ самъ вразумитъ тебя и наставитъ, а я болѣе не скажу тебѣ ничего. Оставь меня.

Трофимъ Семеновичъ поклонился и вышелъ изъ келіи молча.

Ничего не сказалъ онъ ни женѣ, ни дочери, которыя осматривали монастырскую ризницу въ то время, какъ Трофимъ Семеновичъ посѣщалъ отшельника. Послѣ него мать и падче-

рица, по совѣту архимандрита, ходили къ схимнику, но обѣ возвратились въ гостинницу, не видавши схимника. Три раза, одинъ вслѣдъ за другимъ, подъ дверьми келіи его госпожа Яшникова произносила обычную молитву: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! Не послѣдовало на эту молитву желаннаго: аминь! Прозорливый старецъ не показалъ охоты вступать съ ними въ бесѣды.

Вернулись Яшниковы изъ монастыря на почтовую станцію, а оттуда покатили въ столицу.

Дорогою Трофимъ Семеновичъ былъ грустенъ и молчаливъ. Онъ солгалъ женѣ и дочери, сказавши будто отшельникъ не принялъ его такъ же, какъ и ихъ, но, углубясь въ себя, размышлялъ о бесѣдѣ со схимникомъ. «Вишь ты»—думалъ онъ:—«раздай другимъ ни за что, ни про что весь свой капиталъ, а самъ останься безо всего! Хорошо такъ говорить, когда у него ничего нѣтъ и можетъ быть никогда не было, коли у него въ кельѣ даже постели нѣтъ! А мнѣ какъ это сдѣлать!» И стало Трофиму Семеновичу воображаться: всѣ свои банковые билеты, всѣ свои деньги раздаетъ онъ на благотворительныя учрежденія, продаетъ свой домъ на Невскомъ и вырученныя съ продажи деньги обращаетъ туда же, и поступаетъ такъ, какъ велѣлъ схимникъ; никто не знаетъ, откуда жертвуются такія суммы. И ему за это ровно ничего. Шишъ подъ носъ. Ни ордена, ни монаршаго благоволенія, ни министерской благодарности, ни газетной похвалы! Никто не знаетъ, что онъ свершилъ такой подвигъ. Только дѣти узнаютъ. Какъ имъ не узнать, когда они черезъ этотъ отцовскій подвигъ станутъ бѣдняками? Что тогда они скажутъ? И стало Трофиму

Семеновичу ужасно. «Ахъ я дуракъ! Пошелъ спрашивать совѣта у выжившаго изъ ума чернеца!» —говорилъ самъ въ себѣ Трофимъ Семеновичъ: «я человѣкъ общественный, и ужъ коли спрашивать совѣта, такъ спрашивать его у такого, что живетъ самъ съ людьми, а не на кладбищѣ съ мертвецами. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не загладилъ грѣха молодости и невѣжества честною и полезною для общества жизнью въ теченіи многихъ лѣтъ? Развѣ низачто меня и люди одобряли и государь жаловалъ? Что, я былъ развѣ скупъ для неимущихъ? Мало ли я благодѣтельствовалъ и нищимъ и святымъ храмамъ? Архіереи поважнѣе этого схимника, и тѣ меня въ примѣръ благочестія и всякихъ добродѣтелей ставили, а преосвященный Агаѳодоръ давно уже разрѣшилъ мой тяжкій грѣхъ! Да еще какъ разрѣшилъ: вмѣнилъ мнѣ въ новый грѣхъ, если я стану безпокоиться за свой прежній, имъ разрѣшенный! Помню я, какъ этотъ мудрый архипастырь насчетъ раздачи милостыни говорилъ: слѣдуетъ давать милостыню съ разсужденіемъ, съ толкомъ, и давать ее такъ, чтобъ и себя самого и дѣтей своихъ не разорять. Вотъ истинно мудрое наставленіе! А этотъ чернецъ что говорилъ? Надѣли дармоѣдовъ, а собственныхъ дѣтей пусти по міру. Да почему это бѣдные такъ пріятны Богу, что другіе должны трудиться и собирать состояніе, чтобъ его бѣднымъ раздавать? Гораздо больше благотворитъ тотъ, кто не дастъ никому даромъ ни гроша, а устраиваетъ какое-нибудь дѣло и доставляетъ трудъ бѣднымъ людямъ, и имъ за трудъ платитъ. Хоть онъ и себѣ доставляетъ пользу, но и другимъ даетъ, и даетъ не даромъ, а за трудъ. Это похвальнѣе. И средства бѣднымъ доставляются, и къ лѣности они не пріучаются. Развѣ я не такъ поступалъ? Мало ли народа служитъ у меня и по откупамъ, и по

золотымъ пріискамъ? Всѣ получаютъ исправно за свой трудъ жалованье, никто не пожалуется, чтобъ я кому нибудь не доплатилъ, кого нибудь обманулъ. Развѣ все это не благотвореніе общественное? Вотъ это-то и есть настоящая благотворительность, а вовсе не глупая раздача денегъ лѣнтяямъ и бродягамъ, какъ насъ учатъ эти монахи! Вишь, что выдумали! Хочешь спастись—говорятъ—раздай нищимъ все свое состояніе; это значитъ: самъ трудись, ни днемъ, ни ночью покоя не знай, а что наживешь,—все это раздай такимъ, что сами трудиться не хотятъ, пріобрѣтать не умѣютъ, а охочи на чужой счетъ пожить! А отъ чего нищій сталъ нищимъ? Спросить бы ихъ. Отъ того, что работать не хотѣлъ. Конечно, такъ. Кто трудится и притомъ, кто одаренъ умомъ, тотъ богатѣетъ, а кто лѣнится и глупъ, тотъ весь вѣкъ остается бѣднякомъ. А у этихъ чернецовъ такое разсужденіе: ты богачъ, у тебя всего много; раздай все тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, а самъ бѣднякомъ стань. Тогда въ рай пойдешь. Богатому, говорятъ они, нельзя войти въ царствіе небесное: такъ самъ Богъ сказалъ. Охъ, видно не совсѣмъ неправы тѣ умные и ученые люди, что не очень-то вѣрятъ въ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, какой премудрый Богъ, что такое сказалъ, чтобъ не входить богатому въ царствіе небесное!

И путемъ саморазмышленія Трофимъ Семеновичъ подходилъ опять къ отрицанію Божества.

Воротились Яшниковы въ Петербургъ. Трофимъ Семеновичъ опять погрузился въ свои торговыя и промышленныя спекуляціи. Дѣла его не только не упадали, но становились все лучше. Откупа онъ совсѣмъ покинулъ и ограничивался

одною золотопромышленностію, и съ этой цѣлію онъ въ лѣтнее время съѣздилъ въ Сибирь. Два семейныхъ праздника огласили необычною веселостью домъ золотопромышленника, и безъ того всегда людный и шумный. Первый—былъ выходъ замужъ его дочери за князя знатной фамиліи, избравшей Елену Трофимовну какъ ради ея красоты, такъ и ради богатаго приданаго. Второй праздникъ была женитьба сына его, служившаго по дипломатической части. Отецъ достойно своему состоянію надѣлилъ и отдѣлилъ обоихъ дѣтей своихъ.

Но быстро, быстро съ горъ текутъ,
Въ долину вешни воды,
И невозвратные бѣгутъ
Дни, мѣсяцы и годы.

И вотъ настал роковой сороковой годъ и времени совершенія преступленія, тяготившаго совѣсть Трофима Семеновича. Въ іюнѣ этого года жена Яшникова уѣхала въ свои имѣнія по дѣламъ. Трофимъ Семеновичъ не поѣхалъ съ нею, отозвавшись, что важныя дѣла требуютъ его присутствія въ столицѣ.

Проводивши жену, Трофимъ Семеновичъ проживалъ на собственной дачѣ, близь Царскаго Села, и часто по дѣламъ ѣзжалъ въ городъ. Состояніе духа его дѣлалось день ото дня тревожнѣе. Преступленіе совершено было 13 августа, и Яшниковъ ждалъ сороковаго изъ прожитыхъ имъ съ тѣхъ поръ августовъ съ такимъ же ужасомъ, какъ Громобой появленія Асмодея. Трофиму Семеновичу представлялись разные виды Божеской кары, долженствующей его постигнуть ровно черезъ сорокъ лѣтъ: то думалъ онъ, что на него нашлется смертельная болѣзнь, и онъ пробовалъ узнать: нѣтъ-ли признаковъ начинающейся водянки, или рака и т. п. То приходила

ему мысль, что онъ умретъ отъ внезапнаго апоплексическаго удара, и онъ спрашивалъ врачей, не предрасположенъ ли онъ къ апоплексіи? То воображалось ему, что онъ погибнетъ отъ неожиданнаго случая: загорится домъ, и онъ не успѣетъ изъ него выскочить, либо обвалится сводъ зданія, гдѣ онъ будетъ находиться, и убьетъ его. Иногда золотопромышленникъ опасался тайныхъ враговъ и завистниковъ: они затѣютъ извести его и подкупятъ слугъ, или какимъ нибудь способомъ найдутъ возможность отравить его. Все навязчивѣе становились пугающіе его призраки. Въ началѣ августа онъ пригласилъ къ себѣ на дачу сына, жившаго отъ родителя отдѣльно, въ подаренномъ ему отцомъ домѣ.

— Александръ,—сказалъ ему отецъ:—хочу поговорить съ тобою объ очень важной матеріи. Ты у меня ученъ и ученъ, а мы, грѣшные, учились на мѣдныя деньги и то не доучились.

— Слушаю, батюшка! отвѣчалъ сынъ.

— Я, мой другъ—сказалъ старикъ:—всегда былъ откровененъ съ своимъ семействомъ, а съ тобой болѣе всего. Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня знаешь, не произошло со мною ничего сколько нибудь важнаго, о чемъ бы ты не узналъ отъ меня самого. Но ты не знаешь кое-чего такого, что со мною происходило въ то время, когда тебя на свѣтѣ не было. А было со мною такое, чего я до сихъ поръ ни тебѣ, ни кому другому не открывалъ; не потому, чтобъ я не довѣрялъ своей семьѣ; — но видишь ли: бываетъ, у человѣка останется изъ прошлаго на душѣ такое, что ему самому вспоминать непріятно; хотѣлось бы, чтобъ этого не было въ жизни; да ничего не подѣлаешь, когда знаешь, что оно было!

— Я думаю, батюшка—сказалъ Александръ Трофимовичъ:—

нѣтъ на свѣтѣ человѣка, у котораго на душѣ не оставалось бы непріятныхъ воспоминаній. Если не ошибаюсь, мнѣ кажется, тебя тревожитъ воспоминаніе о чемъ нибудь такомъ, что легло бременемъ на твою совѣсть, воспоминаніе о какомъ-нибудь событіи въ твой жизни, когда ты поступилъ не такъ, какъ бы хотѣлъ послѣ поступить, и желалъ бы ты, когда бы этого событія не случалось съ тобою. Не такъ ли, дорогой батюшка?

— Истинно такъ, Александръ!—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.—Ты угадалъ. Ну, ты знаешь меня, своего родителя; скажи, способенъ ли я нанести оскорбленіе моему ближнему?

— Ты, батюшка, выражаешься немного по церковному,— сказалъ Александръ Трофимовичъ. — Слово «ближній» употребляется часто, но не всегда въ одинакомъ смыслѣ. Послушаешь какого нибудь монаха, такъ изъ его рѣчей выйдетъ такой смыслъ, что ближній намъ тотъ, кто молится съ нами одинаково написаннымъ иконамъ. А если принимать, что намъ ближній тотъ, съ кѣмъ мы постоянно въ сношеніи, такъ выйдетъ, что мой ближній будетъ мой сетеръ. Ты батюшка, вѣрно хотѣлъ спросить: считаю-ли я тебя способнымъ оскорбить человѣка? На это я тебѣ скажу: еще тотъ не родился на свѣтъ чтобы могъ угодить всѣмъ. Всегда найдутся такіе, что будутъ недовольны твоими поступками и сыщутъ поводъ жаловаться, что ты ихъ оскорбилъ. Не мудрено, что и противъ тебя найдутся такіе, что скажутъ, будто ты оскорбилъ ихъ. Но я думаю, что мой родитель не способенъ умышленно сдѣлать кому-нибудь зло.

— И мнѣ, мой другъ, кажется, — сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя торговой дѣятельности, я не сдѣлалъ ни одного поступка, въ которомъ

бы совѣсть упрекала меня. Но было время, когда я былъ молодъ, неопытенъ и такъ бѣденъ, что не имѣлъ дневнаго пропитанія. При своей крайней бѣдности, я находился въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, не въ состояніи былъ отличать, что хорошо, что худо, и самъ, ничего не зная, долженъ былъ во всемъ слушаться чужихъ совѣтовъ. Въ это-то время, Александръ, былъ случай, когда я нанесъ оскорбленіе человѣку, не желавшему мнѣ ни дурнаго, ни хорошаго. Я не могъ исправить нанесеннаго оскорбленія, потому что оскорбленный сошелъ въ могилу.

— Это со многими бываетъ,—сказалъ сынъ.—Но что было, то, говорятъ, былью поросло. Что прошло, то не вернется!

— Въ томъ то и бѣда, что не вернется,—вздохнувши произнесъ Трофимъ Семеновичъ.—Та и бѣда человѣка вообще, что дурнаго дѣла поправить нельзя!

— Однако, батюшка, у тебя желаніе было его поправить!—сказалъ сынъ.—Это я вижу изъ твоихъ же словъ. — Развѣ ты виноватъ, что оскорбленный тобою сошелъ въ могилу!

— А если виноватъ?—сказалъ Трофимъ Семеновичъ.

Сынъ смутился и поблѣднѣлъ. Отецъ, замѣтивши это, продолжалъ:

— Сегодня не стану разсказывать, какъ это случилось. Послѣ, когда нибудь, все разскажу. Теперь мнѣ тяжело припоминать подробности.

— Я и не требую,—сказалъ сынъ.—Я понимаю суть дѣла. Нанесенное тобою оскорбленіе свело оскорбленнаго въ могилу. Не такъ-ли?

— Да, оно такъ!—отвѣтилъ задумчиво отецъ.—Но уволь меня, Александръ, отъ разсказа. Послѣ, все тебѣ разскажу подробно. Теперь же скажу тебѣ, что оно меня сорокъ лѣтъ безпо-

копло и до сихъ поръ безпокоитъ. Тревожимый совѣстью я ходилъ въ полночь на могилу оскорбленнаго и тамъ молился о прощеніи своего грѣха. Тогда изъ могилы послышался голосъ: «Господи! Накажи того, кто меня... кто меня оскорбилъ и привелъ къ смерти! На эти слова въ отвѣтъ услышалъ я дрогнувшій голосъ неизвѣстно откуда; онъ произнесъ: «накажу черезъ сорокъ лѣтъ!» Съ тѣхъ поръ вотъ проходитъ сорокъ лѣтъ. Я ожидаю кары отъ Бога. Въ ночь на 13 августа текущаго года исполнится сороколѣтній срокъ. Вотъ, Александръ, что меня томитъ и мучитъ!

— Тебѣ представилось — не болѣе, — сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Ты былъ тогда взволнованъ, находился въ неестественномъ положеніи, въ забытьи, въ дремотѣ, въ полуснѣ; вотъ и привидѣлось тебѣ такое, чего быть не можетъ. Голоса, которые ты слышалъ, выходили не изъ могилы, не съ неба, а изъ твоего собственнаго воображенія: ихъ создали твои возбужденные и разстроенные нервы!

— Такъ и мнѣ часто казалось,—сказалъ Трофимъ Семеновичъ,—а иногда мнѣ думалось, что то былъ Божій гласъ, и Богъ опредѣлилъ меня покарать черезъ сорокъ лѣтъ. Александръ! ты человѣкъ умный и ученый: вѣришь ли ты въ Бога?

— Конечно, нѣтъ!—сказалъ Александръ Трофимовичъ,—въ нашъ вѣкъ сколько-нибудь образованный человѣкъ развѣ можетъ вѣрить въ Бога?

— Отчего-же люди вѣрятъ?—спрашивалъ Трофимъ Семеновичъ.—видишь вездѣ церкви поставлены, устраиваются храмы Божіи. Люди сходятся Богу молиться. Не все же только дураки туда ходятъ. Бываютъ тамъ и умные. Отчего же они вѣрятъ?

— Оттого, что еще не додумались,—отвѣчалъ на это Александръ Трофимовичъ,—тѣ, что уже додумались—въ церковь не ходятъ и Богу не молятся.—Ты хорошо понимаешь, что значитъ отвлеченное понятіе?

— Это.. это.. понимаю,—говорилъ старикъ...

— Неясно, батюшка, понимаешь, — сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Я тебѣ объясню. Вотъ, напримѣръ, видишь ты: человѣкъ сердится, потомъ въ иномъ дѣлѣ, видишь: другой человѣкъ сердится. Ты замѣчаешь, что тотъ и другой чѣмъ-то похожи между собою, когда сердятся. Вотъ ты, чѣмъ они походятъ другъ на друга, когда сердятся,—ты называешь: гнѣвъ. Это и есть отвлеченное понятіе. Видишь ты, что мужъ съ женою согласно живутъ: одно другому во всемъ угождаетъ, одно для другаго ничего не жалѣетъ, и въ другомъ мѣстѣ видишь, что мужъ съ женою также живутъ, замѣчаешь сходство между тѣми и другими и то, что одни на другихъ походятъ, называешь — любовь. И это отвлеченное понятіе. Пока люди своимъ размышленіемъ не доискались: какъ у нихъ складываются отвлеченныя понятія, люди воображали себѣ, что эти понятія—гдѣ-то существуютъ отдѣльно отъ человѣческой головы и съ ними можно говорить, какъ съ живыми людьми. Вѣрили, напримѣръ, что гнѣвъ и любовь гдѣ-то существуютъ не въ человѣкѣ, а особо: замѣчали, что люди дѣлаютъ людямъ добро и зло, и вообразили, что гдѣ-то есть существо, называемое добро и есть другое существо, называемое зло. Но мало того, что человѣкъ изъ своихъ отвлеченныхъ понятій выдумалъ себѣ существа небывалыя на свѣтѣ; онъ еще вообразилъ, что эти существа, хоть имѣютъ человѣческія свойства, но выше и сильнѣе человѣка и назвалъ ихъ божествами или богами. Встарину при-

знавалось много боговъ; на каждое явленіе человѣческой жизни было свое божество: были божества любви, гнѣва, драки, мира, торговли, плутовства, пьянства,—и какихъ-то боговъ не было! Дѣтское воображеніе надѣлало у этихъ боговъ сыновей, дочерей, внуковъ. Воображали себѣ люди, что небеса населены такими богами и богинями, и эти боги и богини, хоть въ кой-чемъ похожи на человѣка, но никогда не умираютъ. Когда же люди поумнѣли, то уразумѣли, что это совсѣмъ не боги и не живутъ на небесахъ, а есть только наши отвлеченныя понятія, создались въ нашихъ головахъ и безъ нихъ отдѣльно ни на небѣ, ни на землѣ, нигдѣ не существуютъ. Однако не могъ скоро человѣкъ освободиться отъ того, что у него вошло въ привычку. Пересталъ вѣрить человѣкъ въ прежнихъ боговъ, а съ единымъ Богомъ не могъ разстаться. Вообразили себѣ люди, что есть единый Богъ, всесовершенный, преблагій, премудрый; устроили ему храмы, установили обряды служенія ему и думаютъ, что этотъ Богъ человѣка слушаетъ, когда человѣкъ къ нему заговоритъ, что этотъ Богъ можетъ человѣка надѣлить счастьемъ или покарать его, если человѣкъ Богу не угодитъ. Такъ думаютъ и такъ вѣрятъ до сихъ поръ всѣ люди, мало думавшіе и мало образованные. Напротивъ, люди, вполнѣ умные и просвѣщенные науками, Богу не молятся и въ Бога не вѣрятъ, оттого, что понимаютъ, что и этотъ Богъ такой же, какъ тѣ боги, что имъ прежде когда-то люди вѣрили и молились: и нашъ Богъ, которому строятъ церкви и служатъ обѣдни, тоже ни что иное, какъ наше собственное отвлеченное понятіе о всемогуществѣ и добрѣ, а не какое-то высшее, живое и мыслящее существо. Умные люди вѣруютъ только въ могущество человѣческаго разума: этотъ разумъ создалъ Бога; онъ

же его и уничтожаетъ, додумавшись, что Богъ не существо какое-нибудь, а собственное человѣческое отвлеченное понятіе.

— Стало быть, — сказалъ отецъ:—и страшнаго суда послѣ нашей смерти не будетъ?

— Послѣ насъ,—сказалъ сынъ. — будетъ надъ нами судъ совершенъ тѣми людьми, что послѣ нашей смерти будутъ на свѣтѣ жить. Родъ человѣческій не прекращается; вымираетъ одно поколѣніе, живетъ послѣ него другое, и это въ свою очередь отживетъ, умретъ, наступитъ третье, а за третьимъ четвертое и такъ далѣе. Новое поколѣніе пріобрѣтаетъ жизнью смысла и свѣдѣній болѣе стараго, и потому новое поколѣніе совершаетъ судъ надъ старымъ, оцѣниваетъ: что хорошаго и что дурнаго сдѣлало старое поколѣніе. Вотъ тебѣ и страшный судъ, батюшка! А чтобы каждый изъ насъ послѣ своей смерти жилъ гдѣ-то и подвергался суду отъ какого-то Господа Бога, такъ наука не представляетъ для этого никакихъ доводовъ, и вѣра въ безсмертіе души есть такое же суевѣріе, какъ и вѣрованія въ мертвецовъ, выползающихъ изъ могилъ и бродящихъ въ ночной темнотѣ по міру, какъ воображаетъ себѣ чернь.

— По твоему,—замѣтилъ отецъ:—душа наша умираетъ съ нашимъ тѣломъ.

— Вотъ, батюшка,—объяснялъ ему сынъ:—горящая свѣча, догоритъ свѣча, потухнетъ огонь; нѣтъ болѣе свѣчи, нѣтъ и огня. Видалъ ли ты, батюшка, огонь безъ свѣчи или безъ того, что горитъ? Никто не видалъ. Вотъ такъ никто не видалъ души безъ тѣла. Что такое душа? Способность человѣка думать, чувствовать, желать, говорить. Когда говорится, что у человѣка душа есть, это значитъ, что у человѣка та-

кія способности есть. Но у человѣка есть еще жизненныя способности: ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть. Умретъ человѣкъ — не будетъ онъ ѣсть, пить, спать, ходить, сидѣть оттого, что не станетъ уже того, что прежде ѣло, пило, спало, ходило, сидѣло. Точно также умретъ человѣкъ — не будетъ онъ думать, чувствовать, желать, говорить, потому что не станетъ того, что прежде думало, чувствовало, желало, говорило. Не можетъ быть живаго человѣка безъ души, не можетъ быть и души безъ живаго тѣла.

— Вотъ — сказалъ Трофимъ Семеновичъ: — какъ ты начнешь мнѣ объяснять, такъ мнѣ кажется правдою все, что ты говоришь. А пройдетъ немного времени, опять меня страхъ забираетъ: опять боюсь суда Божія и кары, и самъ не знаю, какъ отъ себя этотъ страхъ отогнать.

— Понятно,—сказалъ Александръ: — ты, батюшка, очень умный человѣкъ отъ природы, да не учился, и съ ребячества набрался разныхъ предразсудковъ. Извѣстно, что съ дѣтскихъ лѣтъ усвоишь, съ тѣмъ нелегко разстаться въ старости. Оттого такъ важно воспитаніе дѣтей.

Наступило двѣнадцатое августа. Трофимъ Семеновичъ проснулся такъ рано, что еще не всходило солнце, и вышелъ въ свой садъ. Лучи утренней зари играли жемчугомъ и бриллiантами на капляхъ росы, набѣгавшей на цвѣты. Глянулъ Трофимъ Семеновичъ на востокъ и вспомнилась ему слышанная въ театрѣ арія изъ Жизни за Царя, гдѣ Сусанинъ прощается съ своею послѣднею зарею. «И моя послѣдняя заря, быть можетъ, теперь свѣтитъ; много разъ будетъ она свѣтить, да ужъ не мнѣ, много разъ будетъ восходить солнце,

а меня ужъ не освѣтитъ и не согрѣетъ! Невольно безпокоила его мысль, что въ слѣдующую ночь, когда исполнится сорокалѣтній срокъ, съ нимъ послѣдуетъ конецъ: правда, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго предвѣстія болѣзни, но припоминалъ себѣ много случаевъ, когда конецъ постигалъ человѣка такъ неожиданно, что за какой-нибудь часъ предъ концомъ человѣкъ не былъ въ состояніи предвидѣть, что съ нимъ случится. Жизнь стала особенно мила Трофиму Семеновичу, и все достояніе его возвысило свою цѣнность въ его помышленіи, когда его тревожила мысль, что не пройдетъ сутокъ, какъ ему, быть можетъ, придется со всѣмъ разстаться.

Въ этотъ день сынъ Яшникова обѣдалъ съ отцомъ, а послѣ обѣда, вечеромъ, сказалъ отцу:

— Поѣдемъ къ Марушкинымъ. Проведемъ тамъ этотъ вечеръ. У нихъ сегодня большое общество; и сестра съ зятемъ тамъ будутъ. Я, батюшка, не отойду отъ тебя до завтрешняго утра.

Марушкины были богатые помѣщики, проживавшіе на собственной дачѣ въ Царскомъ Селѣ, пріятельски знакомые съ Яшниковыми.

Заложили коляску. Отецъ и сынъ Яшниковы сѣли въ коляску и покатили въ Царское Село. Небо закрывалось тучами, на югѣ, сквозь тучи, мелькнула молнія, раздались раскаты грома. Когда коляска въѣзжала во дворъ Марушкиныхъ, громъ слышался сильнѣе. Невольно въ головѣ Трофима Семеновича промелькнула мысль: меня здѣсь убьетъ громъ!

Когда усѣлись за чайнымъ столомъ, Трофимъ Семеновичъ противъ себя увидѣлъ фигуру, какъ двѣ капли воды напоминавшую ему лицо Придыбалки. Фигура смотрѣла на него, и Трофимъ Семеновичъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Кто это сидитъ противъ насъ?—спросилъ онъ сына.

— Не знаю,—отвѣчалъ Александръ Трофимовичъ:—я его въ первый разъ вижу. Спрошу у хозяина.

Фигура не сводила глазъ съ Трофима Семеновича. Старикъ безпрестанно опускалъ голову внизъ, но какъ только приподнималъ ее, глаза его невольно встрѣчались съ лицомъ, которое какъ будто уставилось прямо противъ него, съ испытующимъ взглядомъ.

Улучивши удобную минуту, Александръ Трофимовичъ всталъ, поговорилъ шепотомъ съ хозяиномъ дачи и воротившись къ отцу, сказалъ:

— Это какой-то иностранецъ, называетъ себя голландцемъ. Онъ садовникъ на сосѣдней дачѣ. Здѣсь онъ въ первый разъ, и по русски почти не знаетъ.

— Какое странное сходство! — сказалъ отецъ: — да еще и садовникъ! Онъ напомнилъ мнѣ человѣка, котораго я зналъ въ молодости: и тотъ былъ также садовникъ.

— Сходства бываютъ поразительныя!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.

Гроза разыгрывалась. Въ окна дачнаго дома заглядывали ярко-синія полосы молніи. Удары грома сыпались за ударами. Дождь хлесталъ по крышѣ дачнаго дома и по оконнымъ стекламъ. Трофиму Семеновичу лѣзло въ голову: вотъ грянетъ громъ и убьетъ меня!

Громъ, однако, не убилъ Трофима Семеновича. Чай отпили. Гости расходились по комнатамъ. Гроза стала утихать. Но старикъ Яшниковъ былъ до того потрясенъ, что едва держался на ногахъ и не отходилъ отъ сына. Кто только съ нимъ ни заговаривалъ, всякъ дивился: что съ нимъ дѣлается. Глядитъ дико: слова путаются у него на языкѣ. Въ полночь

Трофимъ Семеновичъ хотѣлъ уѣхать, но Александръ Трофимовичъ убѣдилъ его подождать ужина.

За ужиномъ Трофимъ Семеновичъ искалъ глазами фигуру, испугавшую его, но въ ряду сидѣвшихъ за столомъ, ее не было.

— Гдѣ тотъ господинъ, что за чаемъ сидѣлъ противъ насъ? спросилъ онъ сына.

— Онъ ушелъ тотчасъ послѣ чая, — отвѣчалъ сынъ.— Я видѣлъ, какъ онъ взялъ свою шляпу и проскользнулъ, ни съ кѣмъ не прощаясь.

Присутствіе лица, похожаго на Придыбалку, перестало тревожить Трофима Семеновича, но онъ чувствовалъ себя какъ бы выбившимся изъ колеи и не могъ самъ себѣ объяснить, что съ нимъ происходило.

Послѣ ужина гости стали разъѣзжаться. Отецъ и сынъ Яшниковы возвращались къ себѣ на дачу. Александръ Трофимовичъ спросилъ отца:

— Отчего ты, батюшка, такъ взволновался, увидѣвши этого господина?

— Онъ — отвѣчалъ отецъ: — какъ двѣ капли воды похожъ на одного моего знакомаго, который сорокъ лѣтъ тому назадъ о Богѣ и судѣ Божіемъ говорилъ такія рѣчи, какія слыхалъ я отъ тебя.

— Этотъ человѣкъ былъ русскій или иностранецъ?—спросилъ сынъ.

— Кто его знаетъ! — отвѣчалъ отецъ.—Мнѣ онъ казался не русскимъ, и людямъ нашей слободы также. Онъ былъ садовникомъ у владѣльца.

— Не дуракъ онъ былъ, какъ я вижу!—сказалъ Александръ Трофимовичъ.—Въ то время и въ такой глуши! Однако, если

онъ произносилъ такія рѣчи передъ вашими хохлами. они вѣрно сочли его воплощеннымъ дьяволомъ.

— Ты угадалъ. Александръ. — сказалъ Трофимъ Семеновичъ:—именно такъ было.

— Не трудно угадать!—сказалъ Александръ Трофимовичъ:— такъ всегда бывало и бываетъ съ тѣми, кто дерзнетъ невѣжественной толпѣ открывать истины и разбивать суевѣрія, которыми утѣшаютъ себя темные люди. наталкиваясь на необъяснимые для нихъ вопросы.

Пріѣхали на дачу. Разсвѣло.

— Прошла зловѣщая ночь! сказалъ Александръ Трофимовичъ:—кончился сорокалѣтній срокъ, такъ долго тревожившій воображеніе моего дражайшаго родителя.

— Ахъ. Александръ. Александръ!—сказалъ старикъ:—теперь только я вижу, что напрасно тревожилъ себя цѣлыхъ сорокъ лѣтъ! Все отъ того, что напугали меня, что я, какъ мнѣ казалось, слышалъ въ лѣсу. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что это мнѣ только представлялось. Ты, Александръ. сущую правду говорилъ: все, что люди разсказываютъ, будто мы послѣ нашей смерти будемъ жить и отдавать Богу отчетъ за наши грѣхи: все это выдумка, вздоръ, брехня, какъ говорятъ наши малороссіяне.

— Жаль — замѣтилъ Александръ Трофимовичъ: — что человѣчество столько вѣковъ не могло освободиться отъ этой брехни и теперь еще не освободилось!

Тутъ обрывается наша легенда. Сорокъ лѣтъ прожилъ преступникъ въ полномъ довольствѣ и благополучіи и только временами тревожило его опасеніе кары, которая должна была

постигнуть его въ срокъ, указанный въ видѣніи. Дожилъ онъ наконецъ и до этого срока, а кара не пришла. Не зналъ онъ и не уразумѣлъ, что началомъ обѣщанной кары—было его многолѣтнее земное благополучіе, а ея завершеніемъ — потеря Бога. Не понялъ этого и архіерей, отпустившій ему грѣхъ за построенную имъ церковь. Понялъ это одинъ схимникъ, обитавшій на землѣ единымъ тѣломъ, но голосъ его не былъ голосомъ земной мудрости. Эта же мудрость земная, говорящая разсудку, а не сердцу, внушающая увѣренность, но не вѣру, не могла дать Трофиму Семеновичу инаго утѣшенія, кромѣ того, что преподалъ ему Александръ Трофимовичъ. Не удивительно, что грубая проповѣдь современнаго намъ атеизма переворотила, такъ сказать, вверхъ дномъ все нравственное существо стараго разжившагося мужика, умственно совершенно не развитаго, когда подобныя проповѣди въ наше время сбивали съ толку людей, подготовленныхъ воспитаніемъ къ болѣе правильному міровоззрѣнію. Матеріализмъ привлекаетъ къ себѣ людей небогатой духовной натуры своею легкостію и доступностію для каждаго умника разсудочныхъ доводовъ, годныхъ въ предметахъ житейскаго обихода, но вовсе не приложимыхъ къ высокимъ вопросамъ о божествѣ, о духѣ о безсмертіи. Сынъ заглушилъ въ сердцѣ родителя послѣдніе остатки того дѣтскаго страха, который священное писаніе называетъ началомъ премудрости. Трофимъ Семеновичъ разлучился съ Богомъ, и какъ свободно, какъ привольно ему тогда показалось! Не опасался онъ уже ни суда Божія, ни кары за свое злодѣяніе; онъ мгновенно какъ бы забылъ про страшное дѣло, имъ когда-то совершенное въ лѣсу надъ оврагомъ, какъ будто оно происходило не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ, какъ будто онъ объ этомъ дѣлѣ слыхалъ или читалъ

когда-то уже давно. Прежде онъ не чуждался благотворительности: нищимъ раздавалъ милостыню, бѣднымъ помогалъ, въ благотворительныя заведенія дѣлалъ пожертвованія; теперь все это было оставлено, не было побужденій къ хлопотамъ и издержкамъ; и въ церковь никогда Трофимъ Семеновичъ не заглядывалъ, не нужно было ни подкупать, ни умаливать какого-то Бога, въ чаяніи снисхожденія къ своимъ грѣхамъ. Ѣда и питье во всѣхъ видахъ и обстановкахъ: роскошные обѣды и ужины, повара искуснѣйшіе, вина лучшаго достоинства, сервировка изящнѣйшая, при столѣ своя музыка! Жилъ Трофимъ Семеновичъ во все свое удовольствіе. Но не очень долго прожилъ онъ послѣ окончанія сороколѣтняго срока: однажды послѣ веселаго ужина отправился онъ по обыкновенію спать и утромъ уже не проснулся. Кончина внезапная и конечно легкая! Его богатый гробъ повезли на кладбище Александроневской Лавры; за гробомъ слѣдовала толпа дармоѣдовъ, посѣщавшихъ прежде обѣды и ужины покойника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово, въ которомъ высоко превознесъ добродѣтель усопшаго. Проповѣднику вѣрили, да и самъ онъ былъ убѣжденъ, что говоритъ правду. Никто не имѣлъ причины сомнѣваться. О преступленіи, совершенномъ Трофимомъ Семеновичемъ въ юные годы, никто не зналъ, и до сихъ поръ не знаетъ о немъ никто, кромѣ насъ съ вами, благосклонные читатели.

Н. Костомаровъ.

Написано по малорусски въ 1840 г.

Переведено по русски въ 1876 г.

Найдутся, быть можетъ, читатели, которые не зададутъ себѣ труда вникнуть въ глубину мысли, лежащей въ основаніи этой легенды. Ихъ, быть можетъ, непріятно поразитъ то, что выведенный въ этой легендѣ злодѣй не только не испытываетъ никакой ощутительной кары за свое преступленіе, но во всю жизнь пользуется земнымъ благополучіемъ и вмѣсто кары, которая, по собственному его ожиданію, должна придти на него въ сорокалѣтній срокъ, окончательно успокоивается, достигши полнаго отрицанія вѣры въ Божество и въ будущую жизнь. Не есть ли, скажутъ, это проповѣдь безвѣрія, матеріализма, не есть ли это оправданіе крайней разнузданности порока, не ждущаго отъ высочайшаго міроправящаго Разума себѣ достойнаго возмездія? Тѣхъ, которые бы искусились такъ взглянуть на этотъ разсказъ, мы просимъ о слѣдующемъ:

Во первыхъ—обратить вниманіе на мысль, высказанную схимникомъ, что земное благополучіе можетъ посылаться и въ наказаніе грѣшнику, когда у него нѣтъ побужденія къ истинному покаянію и исправленію, и что видимое отсутствіе кары на землѣ можетъ быть признакомъ, что грѣшнику уготована вѣчная кара по кончинѣ земнаго бытія.

Во вторыхъ: выведенный въ нашей легендѣ грѣшникъ не остается безъ кары, но то кара предуготовительная для дальнѣйшей кары, ожидающей его въ будущей жизни, кара духовная, и потому съ перваго раза неуловимая. Герой легенды въ молодости искушается дьявольскою (по народному разсказу Придыбалка есть бѣсъ въ человѣческомъ образѣ) проповѣдью отрицанія, выраженною довольно грубо и цинично, сообразно тому кругу, въ которомъ происходятъ событія. Черезъ сорокъ лѣтъ, когда должно было его постигнуть обѣ-

щанное въ видѣніи Божіе наказаніе, внушается ему другая проповѣдь отрицанія — вульгаризованное ученіе Фейербаха и Бюхнера; она окончательно наноситъ ему духовную гибель. До тѣхъ поръ сорокъ лѣтъ сряду боялся онъ кары, и этотъ страхъ тянулъ его къ покаянію, но грѣшникъ не послушалъ внушеній таинственнаго голоса этого страха — не принесъ истиннаго покаянія и оттого не избѣжалъ въ сорокалѣтній срокъ обѣщанной кары. Въ этотъ именно моментъ онъ дошелъ до полнаго отрицанія, послѣ котораго не оставалось уже ни страха, ни возможности покаянія. Въ этомъ-то состояла окончательная кара, постигшая его на землѣ: тяжелѣе такой кары не могло быть, потому что за нею слѣдуетъ неизбѣжно уже кара вѣчная.

Мысль, господствующая въ этой легендѣ, совершенно сообразна съ священнымъ писаніемъ, въ которомъ не разъ указывается, что если мы не видимъ грѣшнику наказанія на землѣ, то это должно насъ располагать къ смиренному сознанію нашего ничтожества, препятствующаго намъ видѣть пути Божіи. Малороссійскій народъ усвоилъ себѣ такой взглядъ, что показываетъ какъ настоящій разсказъ сохраненный нами въ основныхъ чертахъ сообразно народной редакціи, такъ и многія народныя легенды съ такимъ же смысломъ, какъ напримѣръ, разсказъ о томъ, что Христосъ, путешествуя съ апостоломъ Петромъ по землѣ, богачу, не принявшему ихъ въ домъ, посылаетъ бочку золота, а у бѣдной вдовы, угостившей ихъ молокомъ въ своей убогой хаткѣ, приказываетъ волку съѣсть ея единственную корову, и все это потому, что бѣдной вдовѣ въ будущей жизни уготовано вѣчное блаженство, а скупому и злому богачу — вѣчное отверженіе.
